

ИЛЬЯС НАЙМАНОВ

**СТРАЖ
МОНОЛИТА**

16+

Страж Монолита

Ильяс Найманов

Страж Монолита

«Автор»

2012

Найманов И.

Страж Монолита / И. Найманов — «Автор», 2012 — (Страж Монолита)

Что есть Зона? Как легенды Зоны могут жить на этой смертельно опасной территории, практически не пользуясь летальным оружием? Почему Зона неподвластна человечеству и что знает об этом наука в охраняемом бункере на Янтаре? Неприметный сталкер Бобр чужд этих вопросов: он просто хочет заработать. Однако постепенно он приходит к пониманию законов аномальной территории, приобретая то, о чем не мог даже мечтать.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Псы	6
Глава 2. Лагерь новичков	14
Глава 3. Добыча	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пролог

Молнии через проливной дождь разрывали ночное небо Зоны, шквальный ветер раскачивал кустарник, заставляя деревья терять и без того скудную листву. В кратковременных вспышках молний было видно, как отдельные листья, прибиваемые тяжелыми каплями, стремительно пикируют на землю, чтобы больше никогда не взлететь на потерянную высоту. Роскошный мутировавший куст сирени, содрогающийся под порывами ветра и избиваемый тяжелыми каплями, с трудом прикрывал сидящего под ним и скрывающегося от постороннего глаза вооруженного человека, нещадно поливаемого проливным дождем. Вдруг что-то привлекло его внимание, он окаменел и затем медленно, стараясь не делать лишних движений, обернулся. Тяжелая когтистая лапа во вспышке молнии схватила его за голову и, дернув, втащила внутрь куста. Раздались душераздирающий крик и громогласное рычание зверя.

Спящий на двух сколоченных досках сталкер подскочил и принял вертикальное положение, секунду соображая, что происходит; поняв, что это сон, он судорожно сглотнул и облегченно выдохнул.

– Фу, приснится же такое...

В темноте тесного помещения мелькнул зеленый экран ПДА, показывающий 4:30 утра, послышалось бульканье и звуки больших глотков: человек жадно пил воду из фляжки. Утолив ночную жажду, он удовлетворенно вздохнул. Поерзав несколько секунд на жестких досках, накрытых прохудившимся матрасом, фигура, практически неразличимая во тьме, успокоилась, еще через мгновение послышалось мирное сопение спящего человека.

Глава 1. Псы

Зеленая полоска рассвета, плавно переходящая в нежно-розовый цвет, постепенно набирала силу. Редко день в Зоне начинался так хорошо. Вместо хмурых туч и мелкого депрессивного всепроникающего дождя, облученная и залитая кровью территория подарила свою немудреную ласку в виде прохладного легкого ветерка и светло-серого неба с размазанными и раздавленными гигантскими ложками по его поверхности облаками. Утренний ветерок торопливо погнал пару пожухших тополиных листьев по растрескавшемуся асфальту, которые, карябая твердую поверхность своими угловатыми кромками и переваливаясь с боку на бок, обгоняли друг друга, спеша, наконец, закрепиться в пучках сероватой травы. В вершинах деревьев разбуженные вороны, по-своему воспринявшие благосклонность Зоны, затеяли крикливую потасовку, хлопая смоляными крыльями и роняя веточки свитых ими неказистых гнезд. Наземный мир, несмотря на всю его уродливость, сейчас был приветлив и безмятежен, но под тонким слоем растрескавшегося и приподнятого корнями облученных деревьев асфальта, на глубине нескольких метров существовала и другая жизнь – человек.

Сталкер Бобр, переночевавший в своем схроне, проглотив нехитрый завтрак, состоящий из привычного набора тушенки и хлеба, запиваемого водой с запахом обеззараживающей таблетки, сверился с ПДА и готовился выбираться наружу.

Благо его схрон был из разряда «полулюкс» и не требовал особой маскировки, расположенный в канализационном люке под старым добрым полусгнившим автобусом ПАЗ. Эта незлобивая конструкция с выбитыми стеклами и прошитая автоматными очередями незначительно фонила, как и вся техника в Зоне, брошенная после первой аварии на ЧАЭС. Но сталкер, который в свое первое время нахождения в Зоне отчуждения, как и все новички, преисполненный романтики, любопытства и глупости, но пуще всего подгоняемый скоро приближающимся Выбросом, почти полгода назад отыскал крышку люка под днищем автобуса, занесенную слежавшимися листьями. Благодаря своей субтильной комплекции он, протиснувшись под автобусом, подцепил люк ножом и обнаружил вполне чистый и сухой зиндан с вбитыми в стены скобами, некоторым количеством тряпья и напрочь заваленным лазом, куда уходят трубы и откуда, в принципе, могла появиться опасность.

Опасность в Зоне это такая же тавтология, как вода в реке. Это там, на Большой земле есть опасности, а здесь их нет, здесь они просто меняются на смерть, зачастую быструю и очевидную, но нередко затяжную и непонятную, оттого еще более пугающую и нежелательную, наводящую слепой морок отрешения на всех, кто был ее свидетелем. Сам Бобр разменял в Зоне год, это достаточно много времени по меркам Зоны и совсем немного по меркам Большой земли. Здесь за год сталкер вполне способен превратиться из лопухого щенка в крепкого середнячка. Походя некоторое время в отмычках, он понял два основных правила: не лезь, куда не знаешь, – убьет, и не стой – убьют. Эти простые и в то же время сложные правила несколько раз спасли его скромную жизнь, когда он даже не подозревал об этом. На практике освоив эти два положения, он по ряду причин обособился от своей группы и теперь, вполне освоив тактику одиночки, промышлял в неглубокой Зоне.

Итак, сверка с ПДА была окончена, активных форм жизни указано не было, аномалии – две воронки средних размеров – стояли на вчерашних местах. Бобр, оправившись в припасенную пластиковую бутылку, поскольку негоже метить собой территорию рядом со схроном, обозначая ее мутантам, перетянул ремни разгрузки, проверил шнурки на берцах, потряс рюкзак, проверяя, не постукивает и не позвякивает ли чего. Удовлетворившись результатом, Бобр схватился за вбитые в бетонные кольца скобы и полез наверх. Отодвинув самодельные задвижки на люке, он приподнял люк, высунув голову для осмотра узкой щели между брюхом ПАЗа и асфальтом. Свежий ветерок, разогнавшись в узком просвете между асфальтом и дни-

щем автобуса, с азартом швырнул ему в рот кучку пыли, но, вызвав лишь легкий кашель и улыбку, полетел дальше. «Правильно, нечего рот открывать», – пожурил сам себя сталкер. Не высовываясь целиком из люка, Егор прислушался... Далекий и вездесущий собачий вой, шуршание какой-то пленки в умершем автобусе над головой, шум деревьев... вороны... никакихстораживающих звуков или неправильной тишины.

Еще раз порадовавшись погоде, он червем начал выкарабкиваться из люка. При этом, чтобы вылезти, ему понадобилось упираться ногами в скобы и стенки, но дело было знакомое, и через минуту он уже беззвучно закрыл люк, вставив контрольную щепу в щель между люком и ободом напротив приметной царапины, и закидал его мусором. Теперь предстояло самое главное – появиться на свет, но не на тот свет, где тебя ожидают добрый акушер и уставшая мать, а другой, где могут ожидать несколько голодных ртов местной живности, считающих человека частью своего рациона.

Пока Бобр был под автобусом, в голове все еще было ощущение успокаивающей возможности ускользнуть от опасности, в случае чего тебя и заметят не сразу, и прыгнуть на спину не смогут, и подстрелить – тот еще вопрос. К подсознательному нежеланию появляться на открытой местности еще добавлялось свежее ощущение от отсутствия его коротенького, но надежного автомата АК-47, который он оставил вчера возле аномалии и не решился поднять. Теперь ему просто физически не хватало тяжести в правой руке и легкого постукивания передвигаемого автомата о землю. Кроме того, прямо напротив его лица в асфальте появились три свежие царапины, вскрывшие выцветшую корку асфальта и обнажившие более темный нижний слой. Покрутив головой, он нашел еще несколько таких следов. Прикинув и так, и этак, что за мутант мог этой ночью шарить лапой под автобусом, Бобр с чувством вздохнул о потерянном автомате.

Калаш он оставил, руководствуясь правилом, уже давно не требующим доказательств: не знаешь – не тронь. А дело обстояло так: подбираясь к электре, возле которой красовалась изюминка его сегодняшней коллекции – артефакт «бенгальский огонь», за который он рассчитывал получить с Сидоровича приличные деньги, он оставил подалее свой АК-47, чтоб не привлечь интереса аномалии тяжелой железкой, рядом же положил и рюкзак. Через полчаса кропотливых усилий, беспрестанных оглядываний через оба плеча и кидания в артефакт палочек, веточек и другого неаппетитного для электры мусора он, наконец, вынудил прекрасный светло-голубой, подернутый белесой дымкой артефакт выкатиться к его ногам. Балансируя на одной ноге, не делая резких движений и чувствуя, как волоски на его теле от воздействия сильного электрического поля то прилипают к телу, то встают дыбом, он бережно уложил «бенгальский огонь» в контейнер и медленно, полуприсядом вернулся к своим вещам, лежавшим неподалеку. Каково же было его удивление, когда, нагнувшись первым делом за автоматом, он, одернув руку, заметил, что ствол серебрится мягким призрачным светом. Пораскинув мозгами, Егор решил, что до кордона недалеко, а с автоматом неизвестно, что может случиться. Может, не стреляет, может, это и зараза какая на нем светится, да и не слышно что-то про сталкеров, ходящих со светящимся оружием. К тому же под рукой особо запасливого сталкера всегда есть верный модифицированный пистолет «Глок-17» с пятью обоймами на семнадцать патронов, мощный и надежный, плюс, как называл их его приятель Древень, «погремушки», четыре гранаты. Две оборонительные Ф-ки и две РГД-шки, который несколько раз чуть негодились, но так и не были использованы. Егор каждую ходку собирался оставить «погремушки», но в силу природной запасливости, осторожности и, куда уж без этого в их профессии, суеверия постоянно брал с собой. Жизнь у сталкера одна, по крайней мере та, в которой он хоть что-то смыслит, и ситуевины в ней случаются всякие, пули за угол не летят и тварь какою-нибудь не всегда остановят, а граната может.

Ну что, сказано – сделано, АК остался нетронутым, сиротливо лежащим на пригорке, а рюкзак, проверенный при помощи счетчика встроенного в ПДА на радиацию и вообще для профилактики потыканный палочкой, был водружен на спину в походное положение. Вот

теперь, лежа у заднего колеса автобуса, Егор, еще раз обдумав решение оставить автомат, признал правильность этого решения и с «Глоком» наизготовку по возможности быстро и бесшумно выбрался на обозрение, как ему казалось, всему миру. Отделавшись от бутылки, он выбрал курс, обратившись в слух и зрение, сжимая в руке психологическое оружие и предмет самоуспокоения – пистолет, направился на юг в сторону берлоги Сидоровича.

Далекий вой, обнаруженный им еще с утра, приблизился, и теперь он был короче, в нем были нотки заинтересованности. Бобр тихо ругнулся, вслушиваясь в доносимые ветром звуки. Определенно собаки шли по следу, каким-то шестым чувством он понял, что они идут за ним. Сталкер ускорил шаг, ощущая явное нежелание встречаться хоть с одним представителем местной фауны.

Бежать по Зоне глупо, это известно всем, по Зоне могут бегать только местные обитатели, а человек может бегать только в крайнем случае, когда у него остается выбор между съедением преследующей его нечистью или залетом в аномалию. Хотя есть некоторое разнообразие в вариантах исходов: можно быть разорванным, вывернутым, порезанным или прожаренным аномалией, что называется, до летального исхода, или сначала получить от нее увечья, а потом быть съеденным обрадованными разнообразившимся меню преследователями.

Вот именно по этой причине Егор не позволил себе бежать, а лишь ускорил шаг. Держа в одной руке ПДА, а в другой пистолет, он направился к ближайшему холму, чтобы с него осмотреться и найти себе укрытие. Та местность, по которой он брел сейчас, представляла собой изрытое колдобинами, трещинами, поросшее редкими кривыми деревьями, мелким кустарником и не очень зеленой травой поле. Бегать тут себе дорожке, а прятаться негде. Тут только к вечеру вылезут тушканы и будут прочесывать бесплодную окрестность в поиске павших, больных и раненых. Бобр еще раз выругался, осознав ситуацию, но страха не было, пока что было не до него. Очень нервировало отсутствие автомата, который бы дал перевес на средней дистанции, а теперь с одним пистолетом, вслушиваясь в нарастающий многоголосый харкающий лай, он понимал, что его шансы были не просто не хороши, а сводились к математической погрешности, и если он срочно что-нибудь не придумает, то добытый им артефакт вытащит из его контейнера более удачливый коллега.

– А-а-а, сволота! – уже в голос прикрикнул Бобр, различая кашляющий лай слепых псов.

– Ахр-рр, ахр-рр, – будто услышав его, дружно откликнулись идущие по следу слепыши.

Егор был уже на пригорке, с левой стороны от изначально взятого направления на юг к берлоге Сидоровича, он увидел старый грузовичок: то ли ГАЗ, то ли ЗИЛ, откуда было не видно. Еще дальше, правее были какие-то строения, он знал их и понимал, что там спрятаться не получится, единственное, что можно там сделать, это умереть спиной к стене либо наскочить на задержавшихся там сталкеров, но туда сначала надо добежать. Что-то подсказывало Бобру, что лучше даже не дергаться в сторону строений, а вот грузовичок, которого он раньше не видел, вполне можно использовать для сохранения своей тушки от домогательств со стороны зубастых тварей.

– Ахр-рр, ахрр, – уже явственней был слышен воинственный лай этой мутировавшей своры.

До ближайших преследователей было меньше километра, метров восемьсот. Сталкер буквально кожей почувствовал ту скорость, с которой неслась в его сторону стая. Мгновенно вспотев и практически не отрываясь от ПДА, он теперь уже почти побежал к грузовичку, хорошо, что почти... но не побежал.

ПДА со встроенным дозиметром и датчиком аномалий, детектором жизненных форм и другими важнейшими гаджетами все же был электроникой. Времени на обдумывание и выдачи данных требовалось по-разному – от одной до десяти секунд, и то не факт, что он сообразит верно и укажет на то, что есть в действительности. Вот и сейчас молчавший прибор вдруг издал истеричный, захлебывающийся писк, и сталкер одновременно увидел буквально в паре

метров перед ним включающуюся жарку. Однако тело сработало раньше, чем мозг успел передать своему носителю информацию, а глаза увидеть опасность, и Егор каким-то чудом успел отпрыгнуть назад, испытав мгновенный чудовищный жар. Повалившись за спину, он схватился за фляжку, чтобы начать тушить грудь и лицо, боль была нестерпимой. Но, к счастью, Зона не стала так банально разделяться с ним, и действительных повреждений жарка не нанесла, хотя эти несколько секунд, что она задержала его, возможно, будет достаточно, чтобы решить его судьбу в пользу вечно голодных слепых псов. Отпустив фляжку рукой, так и не выпустившей пистолета, Егор вскочил и, практически не задерживаясь на промаргивание слезившихся глаз, вслепую, по памяти контура аномалии обошел ее и тут уже действительно побежал.

До грузовика оставалось больше ста метров, преследователи уже показались на квадратном зеленоватом экране ПДА в виде цепочки красных точек. То есть, если предел фиксации встроенного детектора жизненных форм был двести метров, то собаки уже пересекли этот предел. Скорость бегущего во весь дух человека с рюкзаком, болтающимся на ходу притороченным противогазом и контейнерами была приличной, но что такое бегущий человек и бегущие по его следу слепые псы? Вот, глядя на ПДА, сталкер увидел отделяющихся от стаи самых быстрых преследователей, которые с пугающей скоростью отделялись от остальных красных точек по направлению к центру ПДА. Тактика проста: стая поняла, что человек уже просто бежит и не собирается организовывать оборону, поэтому вперед вышли самые быстрые псы, которые должны будут задержать беглеца, а к тому времени добегут остальные, и сталкер будет с рычанием поделен на несколько смачных ништяков для альфа-псов и на несколько меньшие для других. Ох как не хотелось быть съеденным, ох как не хотелось чувствовать на себе яростные рывки, разрывающие тело, и слышать затухающее в умирающем сознании рычание мутантов. Эта картина на секунду пронеслась у сталкера перед глазами, а грузовик так медленно приближался. «Быстрее!! Еще быстрее!!» – сиреной приближающейся катастрофы командовала телу нервная система, заставляя надпочечники выплескивать весь стратегический запас адреналина. И вот Бобр, выпучив глаза и открыв для лучшего забора воздуха рот, неся, выжимая все, что можно, из своего организма, гулко топоча берцами по бесплодной почве Зоны, теперь уже четко понимая, что может достаться в равной степени и случайной аномалии, и псам. Кроме этих двух бед, сам грузовик, на который он уповал как на единственное спасение, мог оказаться радиационной могилой, и тут ему уже останется только горько посмеяться и отписаться всем друзьям-товарищам, и завещать знатный хабарок, схроны и тайники своему другу-одиночке и вольному сталкеру – Древню. Но в данный момент было не до сочинения эпитафий почившему герою. Ноги горели огнем, дыхание на выдохе превратилось в стон, а на вдохе в хрип кровососа. Шестым или седьмым чувством Егор чувствовал на спине взгляд прямого преследования, уже, казалось, слышал дробь стремительно перемещающихся лап, но оборачиваться не было смысла. Тридцать метров, двадцать метров, скосивши взгляд на долю секунды на ПДА, невзирая на тряску, он увидел две идущих друг за другом красные точки, которые, казалось, уже были в центре ПДА, а это значит, уже за его спиной.

– А-а-а-а! – и человеческое тело перекидывается за борт ЗИЛа, падает в кузов, разворачивается и скидывает пистолет к преследователям, и тут же раздается звук удара тела о борт машины.

Первый слепой пес не рассчитал прыжок, поскольку все-таки незрячесть имеет свои минусы, несмотря на компенсацию отсутствия зрения другими способностями, а вот второй пес почти достиг своей цели, в прыжке закинув обе передние лапы за борт и судорожно скребя задними, пытаясь найти опору и заскочить внутрь. Но не тут-то было, практически не чувствуемая в данном состоянии сталкера отдача верного «Глока», и, в оскаленной, покрытой язвами морде с истекающими слюной кривыми и желтыми, какими-то полупрозрачными зубами появилось отверстие, и пес, негромко пискнув, откинулся назад. «Вот хрен тебе, а не мокасины, тварь!» – злорадно успел подумать Бобр и тут же, привстав на одно колено, приго-

товился встречать остальных. Но псы были не настолько глупы, чтобы теперь прыгать на грузовик. Поняв, что человек так просто недосыгаем и готов к обороне, мало того, уловив, что сейчас он начнет посыпать их убийственными выстрелами, они вдруг сменили прямолинейный бег на скачки в сторону и рассредоточились прямо с магической быстротой. Первые три пули, выпущенные, казалось, в самую гущу преследователей, нашли свой покой в земле, а мутанты, прыгая и гавкая, крутились в десятке метров от кузова, выпрашивая новые подарки. Зная тактику слепышей, Бобр пересилил яростное желание расстрелять все и вся и не стал тратить патроны. Не обращая внимания на бешеный ритм сердца, он уставился на показатели радиоактивности. Чисто, ну или практически чисто. По крайней мере не более, чем везде, даже странно. Обычно железо в Зоне показывает цифры в несколько раз выше окружающего их фона, но тут исключение, и слава создателю. Сейчас Бобр увидел, что кузов наполовину нагружен слежавшимся песком, на который его в силу более чем изматывающего бега и начало выворачивать. «Ах вы... – думал Бобр и, глядя на суетящихся внизу собак и ощущая рукоять пистолета в руке, позволил своему желудку извергнуть завтрак, – твари... я вам щас устрою карусель!»

Но ничего устраивать он им не стал. Убедившись, что собакам недоступна данная высота, и отстрелив пару особо инициативных слепых псов, пытавшихся перескочить в кузов через капот, всадив им по паре тупоносых с высоким останавливающим действием медалей в морды и грудь, он попытался оценить обстановку. Одна собака, оставляя разводы на металле, трупом сползла по капоту вниз, а другая, скуля, убралась под машину. Впрочем, что не убито сразу, скоро станет сильнее, это Бобр тоже знал и не списал мутанта в трупы. Всего он насчитал вместе с уже убитыми преследователями около двадцати особей. Теперь, находясь в относительной безопасности, стараясь держаться ближе к центру кузова, сталкер скинул рюкзак, сменил обойму с тупоносими патронами на патроны с собственноручно надпиленным и слегка раздвоенным наконечником. Егор был готов показать псам, из какого теста сделан.

Вообще он не был бойцом по своему образу поведения в Зоне, скорее, он предпочитал тихий и скрытный способ передвижения, но тем не менее, убедившись однажды в эффективности надпиленных пуль на ближней дистанции, он заготовил две обоймы таких патронов. Однако слепыши не торопились подставить свои облезлые каркасы под выстрелы и, поскуливая, трусили под машиной и недалеко от нее. Зная, что из пистолета в них нечего и пытаться попасть, сталкер не стрелял, а стоило ему лишь направить в их сторону руку с пистолетом, как несколько слепых псов, находящихся в зоне потенциального выстрела, вытягивая безглазую морду, начинали переминаться с ноги на ногу или отпрыгивали в сторону. Впрочем, пару выстрелов он все же сделал, но лишь спровоцировал раздражающую суматоху среди собак да уменьшил боезапас. Собаки еще попрыгали и погавкали некоторое время вокруг машины, пытаясь спровоцировать еще большее количество выстрелов, но Егор не стал играть в тир. Положение было патовое, хорошо, что он находится практически на периметре Зоны и тут кроме грузных кабанов, плотей и гадящих от радости привольной жизни собачек практически нет других мутантов. Изредка одинокий кровосос или чернобылец выйдет на эту неприятную для них территорию, но в целом и все. Ну еще и тушканы, но здесь они не водятся в таком количестве, чтобы собираться в огромные стаи и атаковать при свете дня. Ночью другое дело, ночью разумный сталкер должен зашхериться в убежище, принять чего-нибудь антирадиационного граммов сто–двести и не отсвечивать, поскольку ночью в Зоне, даже в такой близости от периметра, иной раз творятся страшные вещи.

А сейчас был день, точнее, 10:30 по местному времени. Скулящие внизу безглазые мутанты почему-то не могли испортить понимание того, что в душе нет страха. Солнечная погода сейчас баловала уставшего от дождей и сырости сталкера. Бобр, почесав брови, обнаружил паленные волосы вместо них, что вызвало легкое недоумение и облегчение при воспоминании о том, что он все-таки не влетел в жарку.

Да, Зона не захотела убить его, поскольку, если бы захотела, это было бы уже сделано. Тут среди сталкерского народа, давно пытающегося разобраться возле ночного костра, что есть Зона, существует много поводов для разговоров. Кто-то приводил в пример философию Долга, Свободы или Монолита, но, как правило, все одиночки отказывались воспринимать такой подход, на то они и одиночки. Вот друг Бобра – Древень, бывший преподаватель физики, много рассуждал, что такое Зона, приводя в пример Лесника или Болотного доктора как сталкеров-старожилов. Он считал их теми, кто действительно умеет понимать законы этой территории так, что она позволяет им, чуждым для нее элементам, припеваючи жить в ней на протяжении нескольких лет. А это, согласитесь, поневоле привлечет во внимание, особенно в раннем сталкерском возрасте, когда только-только начинает приходить понимание, что на этой аномальной и не сдающейся человечеству территории правила игры диктует совсем не человек.

Бобр вышел из статуса новичка около полугода назад, научившись отличать зерна от плевел, то есть действительных сталкеров от прихлебателей, какими бы они ни были. Прихлебатели были разные: от грустных отмычек, боящихся пройти до известного места, до тупых командиров, кормящих своей командой аномалии по пути к артефакту. А таких здесь не мало. Каштаны из огня чужими руками таскать тут многие не брезгают, вот поэтому Бобр, поняв, что хабара находит, соображает и стреляет не хуже других, решил уйти от группы и сталкерить самостоятельно. Вот и сейчас, сидя в центре кузова, он нисколько не жалел, что нет напарника, даже наоборот, он хотел разделаться с оседавшей его стаей самостоятельно. Единственное, что его настораживало и могло стать действительно очень большой проблемой, – это возможное появление бандитов, или бандосов, как называли их сталкеры. К его счастью, в прошлом месяце их несколько раз крайне удачно потрепали объединившиеся вольные сталкеры, и они либо убрались в Темную долину, либо попросту засели до поры до времени в норах, хотя, может, их так же удачно потрепали мутанты, уже знающие, что после перестрелок обязательно будет кем поживиться. Либо трупом, либо раненым, да и уставший и не обеспеченный боеприпасом двуногий гораздо легче сдавал свои жизнеутверждающие позиции. В любом случае уже достаточно долго на ПДА не приходило новостей о нападениях бандитов возле периметра.

Отдышавшись и успокоившись, сталкер решил, что пора действовать. «Собачек на понт не возьмешь, ночь здесь сидеть... можно и не пересидеть, помощи звать – с тем же успехом можно и пулю в голову пригласить. Нет, сам, пока сам», – определился Бобр. Еще раз оглядевшись и успокоившись, он выглянул за борт. Так и есть. Несколько псов вытянули морды и насторожили уши в его сторону. Остальные продолжали бродить поодаль, как будто его здесь нет. Сталкер плюнул, чтобы хоть как-то выразить свое презрение к тварям. Один из псов подошел поинтересоваться и обнюхать плевков, псы не были лишены обычного собачьего любопытства. Сталкер, сидя в кузове, посмотрел на облеваный им песок, аккуратно подцепил его снизу ладонями, беря глубже, чтобы не испачкаться, и бросил в сторону мутанта, пытаясь хоть на таком уровне нанести ему моральный ущерб. Тут уже несколько псов потянулось к резкому запаху. «Любопытство не порок, а смертный грех, – смекнул Егор. – Сейчас я вас, песики, угощу, вы главное не расходитесь». Внутренне улыбнувшись своим мыслям, он распаковал рюкзак, достал консервы, хлеб, колбасу, стандартный походный набор сталкера и начал медленно есть. Стараясь получать истинное удовольствие от еды, он как бы между прочим достал гранату. Мутанты, почуяв запах съестного, заволновались, начали приподниматься на задние лапы, хрипло лаять, скулить. Издалека это могло быть похоже на стаю крупных городских собак-попрошаек, которые встают в позу перед обедающим в шашлычке человеком в надежде получить подачку. Но вблизи эти уродливые морды и тела, покрытые язвами, кровоподтеками, лопнувшими и вновь открытыми ранами, внушали ужас. Теперь дело за малым, стараясь не думать о том, что делает, сталкер отщипнул маленький кусочек колбасы и бросил за борт. Через секунду один из псов подхватил угощение и остался на месте повернув безглазую морду в сторону сталкера. За первым кусочком последовал второй, теперь за угощением рвануло уже

несколько собак. За вторым последовал третий, больший кусок – еще несколько собак присоединилось к подбору, даже возникла драка из-за исчезнувшего куска. Он лег на песок в кузове, отметив про себя, что глубина песка составляет около полуметра. Теперь, лежа на спине, он открыл тушенку, засунул в рот кусочек и, заставляя себя упиваться и оценивать вкус еды, бросил кусок мяса за борт. Ажиотаж слепых псов вырос до предела: они метались и скулили вниз, чувствуя запах пищи и эманации человека, получающего удовольствие от ее принятия. Егор был уверен, что все до одного псы участвуют в схватке. Теперь сталкер, вообще ни о чем не думая, кроме как об удовольствии от еды, засунул в полупустую банку гранату РГД-5, вымазал ее в соку и, стараясь не выдать своих замыслов биением сердца, ведя себя так, как будто ему страшно хочется спать, выкинул сначала почти пустую банку тушенки, на которую псы отозвались дружным харкающим лаем, не думая, выдернул чеку из гранаты и, словно нехотя, бросил ее вслед, после чего, опять же словно нехотя, повернулся на бок подальше от борта, за который кидал гранату, и открыл рот. За долю секунды до взрыва он всем своим существом почувствовал, что псы уже видят взрыв, что они считали информацию о том, что сейчас будет, с подкормки человека, но было уже поздно. Разогнанные запахами и мозговыми волнами удовольствия человека, принимающего пищу, включенные стадные рефлексы самих псов не дали мутантам, ринувшимся в кучу в поисках упавших подачек, вовремя остановиться. Это было решающим фактором. Грянул взрыв, грузовик качнуло, скрежетом отозвались проржавевшие рессоры на возмущение, с звонким шорохом осколки прошли борт и увязли в песке. Сталкер, казалось, на секунду потерял сознание, запахло нездоровой кровью, плотью и гарью. Выглянув за борт, Бобр не увидел ни одного живого тела.

– Вот это здорово, вот это по-нашему, – ошалевши, проговорил он, расширив глаза, пытаясь обхватить всю картину целиком. В ушах шумело, в глазах двоилось – теперь ноги в руки и на базу...

Спустившись, он, не расслабляясь, осмотрелся вокруг через мушку пистолета, понял, что пара тел еще остались живы. Одно из них – это первый пес, который штурмовал грузовик через капот и, получив пулю в грудь, остался лежать под колесом, и второе тело, безжалостно посеченное осколками, скребло лапами, судорожно пыталось встать, но только перекатывалось с одного бока на другой. «Ха! Твари, – победно подумал Егор, – не довелось сталкера попробовать?!» Но внезапно лихорадочное возбуждение покинуло его, и усталость после снятого нервного напряжения вдруг навалилась ненужным хабаром. Пробежка с полной выкладкой не входила в ежедневную утреннюю программу Бобра. «А с автоматом, наверное бы, не добежал», – подумал сталкер, удивляясь причудливости обстоятельств. Он подошел к собаке, той, что пыталась заскочить в кузов машины через капот и получила выстрел в широкую крепкую грудь. Она лежала под машиной у переднего колеса.

Стоит ли говорить, что прямое попадание пули 9×19 в грудь человека приведет к смерти в ту же минуту, не говоря уже о нормальной собаке меньшего, чем человек, размера. Но тут был другой случай – все мутанты поддерживаются аномальной энергией Зоны, которая также влияет и на человека. Лежащий на животе пес походил на чучело, которое мастер-скорняк выделал в пьяном состоянии. Шкура в разрывах и порезах, вылезавшие клочья шерсти, под которой пробивался новый подшерсток, поднятая и неподвижная небольшая голова, прокусанные уши, плотно прижатые к голове. Присевший от собаки в паре метров человек увидел беззвучный оскал и свежую пулевую рану, уже начавшую было затягиваться, но вновь открывшуюся между передних лап собаки. Из раны медленно надувались розоватые пузыри. «Черт, ну надо же какие живучие», – невольно восхитился сталкер и поднял пистолет, чтобы разнести псу голову выстрелом в упор. Бобр знал, что недобитые мутанты рано или поздно находят обидчика.

– Не оставляй за спиной недобитого, ни врага, ни мутанта, – всегда твердили старожилы.

Настало время воспользоваться их утверждением. Но внезапно что-то поменялось: ветер переменился, сердито зашумела растительность, стало как будто темнее, это был знак. Знак от Зоны, что она не желает смерти этому существу и что она получила свою жатву на сегодня на этом участке своей территории. Тут Бобр сам осознал, насколько он был близок к смерти и как ему неслыханно повезло. «Спасибо Зоне, отпустила меня живым и с хабаром, не каждый день так везет». Мысли о хабаре, лежавшем в рюкзаке, освежили его, близость к скорому отдыху, костру, законных ста граммах вселили уверенность в том, что жизнь прекрасна, хоть и не лишена поворотных моментов. Бобр встал, еще раз огляделся, сверился с ПДА и уверенно, но так же собранно двинулся на юг в сторону берлоги Сидоровича.

Глава 2. Лагерь новичков

Прогулки по Зоне особенно вредны для туристов, слишком умных и для дураков. По этой причине сталкер Бобр, он же Егор Казмаутов, не спешил расслабляться и вел себя так, как будто он шел не по окраине Зоны, а по своей «рабочей» территории, к которой причислялась, конечно же, территория до Свалки, крайние восточные окрестности Агропрома и западные окрестности Темной долины. Ходить дальше в одиночку он не решался, поскольку Дикие территории, Армейские склады, хоть и были более уловистыми на артефакты, но и Зона там уже спрашивала за хороший хабар дороже. Да что говорить, для многих сталкеров даже входной билет оплачивался жизнью или рассудком.

Там в десятке мрачных километров от ЧАЭС можно было встретить сошедших с ума сталкеров или жутких созданий, созданных Зоной на основе человеческого материала. Все они по ее прихоти стали частью пищевой цепи и имеют название бюреров, изломов, контролеров. Но это было там, далеко, за Ростком и Агропромом, а здесь... Здесь Егор мог чувствовать себя в относительной безопасности, редкие аномалии виделись на детекторе, детектор жизненных форм засек на пределе границы чувствительности пару точек, распознав их как мутантов и окрасив в красный цвет. Повернувшись в сторону сигнала, сталкер увидел лишь кусты, вероятно, там спит пара кабанов либо плотей. Он благоразумно сделал крюк, и вскоре вдалеке проявились крыши разбитых домов заброшенной деревеньки и обнадеживающе виднелась синяя струйка дыма.

Ну вот и берлога торговца, хорошо известная каждому сталкеру. В действительности она имела мало общего с берлогой – вроде ямы с наваленной сверху кучей хвороста. Это был отлично укрепленный бункер неизвестной протяженности и с неизвестным количеством ходов. Бункер Сидоровича, старого Барыги с большой буквы, человека страшного, но и незаменимого по своей сути в данной системе. У Сидоровича всегда можно купить припасов и не бояться, что консервы будут из сои, что софт на гаджетах будет битым, что патроны отсырели, а стволы на последнем издыхании. Конечно, Сидорович торгует и хламом, но всегда честно предупреждает, что за ствол не ручается либо припасы второй сорт, но тут уже хозяин – барин, хочешь – бери, хочешь – нет. Кроме того, нуждающемуся сталкеру он всегда найдет работенку, за которую, правда, и заплатит не густо, да и голову сложить можно, но тут опять же хозяин – барин, не хочешь – не берись. Итак, спустившись на пару пролетов вниз, вдоль привычных обшарпанных бетонных стен Егор очутился перед разделительной решеткой, за которой находился сам Барыга, что-то чиркающий на бумаге. Он уже знал, кто идет к нему через систему видеонаблюдения, поэтому дверь была открыта.

– Ну, здравствуй, сталкер, – привычно начал Сидорович.

Его хриплый голос всегда обозначал, что сталкер действительно пришел, наверное, в самую безопасную часть Зоны и буквально через несколько минут может отдохнуть и выспаться.

– И тебе не хворать, – отозвался Егор.

Торговец опытным взглядом прикинул и оценил, как пришел к нему сталкер: со щитом или на щите – сделал выводы, благодушно улыбнулся и произнес хриплым раскатистым баритоном.

– Ну, показывай, чего принес?

Теперь начиналась игра. Бобр не любил торговаться и однажды проучил Сидоровича: когда тот дал слишком малую цену за средний артефакт «Выверт», он просто отнес его другому торговцу на Ростке. На что Сидорович долго дулся, но зато после этого стал давать реальную цену, по которой данные артефакты оценивались здесь в Зоне. Не откладывая в долгий ящик, Егор вынул из рюкзака контейнер с «бенгальским огнем», не открывая, поставил его Сидоро-

вичу на подоконник приемного окна торговца. Тот отшатнулся от контейнера и подозрительно уставился на сталкера.

– Чего дуркуешь? Мало ли какую хрень ты там держишь! Открывай сам и показывай.

Егор усмехнулся, повернул контейнер к себе, открыл и развернул к Сидоровичу. Лицо торговца осветилось светло-голубым светом, на миг в глазах мелькнуло восхищение неземной красотой артефакта, но тут же сменилось напускной небрежностью. Бобр, исподволь наблюдая за реакцией торговца, понял, что торговец рад, вероятно, даже получил отдельный заказ на этот артефакт, и теперь с него можно будет взять более высокую цену. Следующими на прилавок торговца отправились «медуза», «волчьи слезы», пару «ломтей мяса», «слиуда».

– Неплохо. Хороший хабар, – Сидорович с интересом посмотрел на сталкера. – А ты растешь, как я погляжу, молодец. Куда морду свою сунул-то? – с усмешкой спросил он, намекая на опаленные брови, решив для облегчения дальнейших торгов сначала разговорить сталкера.

– Да вот, куда пес хрена не сует, туда я морду и сунул, – в тон ему ответил Егор, в свою очередь убеждаясь, что раз торговец решил с ним поговорить «о том, о сем», то цена за артефакт, в котором он заинтересован, действительно должна быть больше обычного. – Ну что, берешь товар?

– Обижаешь. Когда Сидорович у честного сталкера товар не принимал?

«Так, – подумал сталкер, в упор глядя на барыгу. – Чего это он так мягко стелет? Вот уже меня в честные сталкеры записал, видать задумал что-то».

– Ну давай так, мелочевку беру скопом за пять штук, – продолжил Сидорович, – хотя и этого много, а “бенгальский” ну... давай по верхней планке возьму за двенадцать, но только при одном условии, если поможешь в одном дельце.

«Ну-ну, я так и думал, что не все так гладко», – прокомментировал про себя Бобр.

– Чем помочь? – усмехнулся Егор. – Склады у тебя полны, дела идут... вон смотрю, на стене игрушки новые появились.

– Да, стволы что надо, – с удовольствием произнес торговец, откинувшись на спинку стула. – Не стволы, а шедевры. Не дешево, конечно, но такой сталкер, как ты, если окажет мне услугу, вполне может взять вон тот АК-200. Шьет с тысячи метров в ростовую фигуру, оптика, скорострельность, подствольник – все по последнему слову и весь остальной фарш. Все это тебе отдам за двадцать штук, – Сидорович откинулся на спинку стула и сделал паузу, давая сталкеру оценить щедрость его предложения. – Сделаешь дело, которое я попрошу, и будет кредит на три штуки. Донесешь в течение месяца. А для других такая красота стоит двадцать пять косых, так что ты не раздумывай особо. Вон, смотрю, сам без ствола пришел. Да что я тебе рассказываю? На вот, сам посмотри!

С этими словами Сидорович развернулся, встал, снял автомат со стенки и подал сталкеру. А посмотреть было на что: удлиненный ствол, ладно сидящее в руке цевье, облегченный приклад из особо прочных композитных материалов, подствольник, оптика, запах заводской смазки, автомат, казалось, прилип и сросся со сталкером. Егор вскинул автомат к плечу, несмотря на тесноту помещения, легкость и удобность в обращении подкупала.

– Бери, бери, – продолжал нахваливать Сидорович. – Такой машины ни у одного вояки нет, и не скоро появится. Патрон стандарт – 5.45, проблем знать не будешь. Сошки к нему в комплект. Для хороших людей мы и инструмент хороший приготовим, – продолжал мурлыкать торговец, видя, как загорелись глаза сталкера, разглядывающего оружие.

– Да, Сидорович, – ответил Егор, покачивая головой, – знатный агрегат... можешь товар лицом показать. Да только шлепнут меня самого из-за этой игрушки. На, забери. – Проводив прощальным взглядом этокое современное воплощение экскалибура, сталкер нахмурился. – Давай так: за мелочь – шесть, за «бенгальский огонь» – пятнадцать, а потом и про дело потолкуем.

– Пятнадцать?.. – удивленно протянул Сидорович, – ты часом не попутал? Кто тебе за него такую цену даст? Двенадцать с половиной за «бенгальский» и пять, хрен с тобой, с половиной за мелочевку!

– Я слышал, – прищурившись сказал Егор, – что заказы на «бенгальские» имеются. Давай четырнадцать с половиной и аптечку.

Сидорович задумался на секунду.

– Ну Федяй, ну сукин сын! – пробормотал он, понимая, что его карта бита. – Трепло!

– Ну, может, и не Федяй, может, еще кто, – лукаво улыбнувшись, сказал Бобр.

– Ладно, черт с тобой, даю тринадцать с половиной, аптечку и жратвы на два дня! – хлопнув рукой по столу, заключил Барыга.

– Годится, – ответил Егор, тихо радуясь, что правильно понял мимолетную радость в глазах торговца при первом взгляде на артефакт.

Денег сталкер с собой не взял, поскольку таскать при себе да прятать такие суммы ему казалось нелогично. Поэтому все накопления, как правило, оставались у торговца, записи в тетрадках которого хранили всю финансовую историю, надежнее и точнее, чем в банке. Теперь к ранее имевшемуся счету Егора в тридцать тысяч зеленых добавились удачно сторгованные девятнадцать. Конечно, часть денег скоро будет обменено на оружие, боеприпасы и медикаменты, но сегодня сталкеру не хотелось заниматься подготовками, и он решил не забивать себе этим голову.

– Так что за дело ты говоришь? – напомнил Егор, как будто он сомневался, что Сидорович может забыть об этом.

Сидорович, чиркнув что-то в тетрадке, встал, не спеша собрал консервы, пару сухих пайков, бутылку бессмертных казаков, хлеба, аптечку и просунул это все в окошко. Убедившись, что клиент получил и распасовал товар по отделениям рюкзака, и готов выслушать, Сидорович приблизился к прутьям решетки и доверительно сообщил:

– Тут один очень серьезный клиент потерял свою вещь. Вещь очень ценная, – он сделал паузу, давая Егору пофантазировать, что может быть очень ценным в глазах Сидоровича. – Да вот нашлась она в тайнике... – торговец приблизился к решетке еще ближе. – В Карьере. Знаешь такой?

Егор присвистнул. Эка незадача! Карьер – одно из самых гиблых мест в средней Зоне, любимое место кровососов и химических аномалий вперемежку с гравитационными. Сколько сталкеров только на приближении к этому химическому аду даже не успевали сделать выстрела, будучи снесенными одними из лучших охотников на человека – кровососами. К этому месту даже псы и плоти не заглядывают. Говорят, что на этот котлован приходят лечиться и регенерировать старые и раненные кровососы, мол, там для них среда благоприятная, и от этого их там видимо-невидимо.

– Так вот, – продолжил торговец. – Тех молодцев, которые эту вещь туда спрятали, уже нет и не будет. Пропали. Но информацию о тайнике оставили. Клиент требует эту вещь ему доставить, и чем скорее, тем лучше!

– Ты что? Ты мне одному предлагаешь туда соваться? Там же кровососы да кислотные ямы. Я туда ни в жисть не пройду.

– Один не пройдешь, это и псу понятно, а пойдете бригадой в пять человек. Ведущий Волк, сечешь? – Сидорович сделал паузу, давая сталкеру осмыслить произнесенное.

Да, Волк был старым опытным сталкером, промышляющий как добычей именно редких артефактов, так и заказами на мутантов и некоторых людей. С Волком были два постоянных напарника – Кривой и Лебедь, отличавшихся угрюмым нравом и сомнительным прошлым. Все трое, как один, были одеты в Берилл-5М, скорее хороший бронекостюм, по сравнению с которым сталкерский комбинезон Бобра с кевларовыми пластинами не шел ни в какое сравнение. «Ну что, если с Волком идти, то, наверное, полегче будет», – подумал Егор.

– Сколько платишь, и пятый кто будет? – спросил сталкер.

– Цена вопроса семь штук, пятого пока нет, сам понимаешь, тут всякого не надо. Нужны проверенные крепкие парни. Ты вот что... пока иди отдыхай, поговори с Волком, а как пятого найдем, я тебе сообщу, – с этими словами Сидорович махнул рукой, показывая, что разговор окончен, сгреб принесенный хабар внутрь и протянул руку к кнопке автоматически открываемой и закрываемой бронированной двери, показывая, что Бобру пора уходить.

Покинув берлогу Сидоровича, Бобр направился напрямиком в разбитую деревеньку, состоящую из чуть более десятка домов различной степени разрушенности, на подходе к которой были слышны смутные звуки гитары. Провалы в деревянных заборах сталкеры удачно заделали половыми досками, взятыми из тех же домишек, и в целом лагерь представлял собой закрытый периметр с двумя дежурными на противоположенных входах, соединенных одной сквозной колеей отходящей от отдаленной асфальтированной дороги, идущей на блок-пост ограждения периметра.

Поздоровавшись и узнав, что Волк на месте, Егор отправился в сталкерскому костру, разожженному в половинке металлической бочки. Возле костра вразвалку сидело несколько молодых мало знакомых сталкеров-одиночек и пара приятелей – Шут и Малена, в основном в последнее время работавших парой. Причем оба, что Шут, что Малена, были здорово вдатыми и, полюбнявшись, сидя на деревянных ящиках, страстно спорили, как лучше всего кидать болт: по прямой с подкруткой или навесом недалеко. Пара салажат, еще даже не получивших прозвище, с интересом слушали спор. Среди этой, всего несколько месяцев тусующейся в Зоне и ее окрестностях молодежи, Бобр, проживший в Зоне уже год, почувствовал себя бывалым ветераном, хотя всегда ясно отдавал себе отчет, что для хоть какого-то понимания и представления о Зоне ему еще далеко.

– О-о-о-!!! – радостно заорал Шут, завидев Егора. – Бобер!!!

Сделав попытку встать, но не рассчитав, что сидя качает гораздо меньше, чем стоя, он завалился на спину через ящик, увлекая за собой и Малену, который целую секунду сопротивлялся в полуприсяде тянущему его за плечо приятелю, прежде чем кувырнуться за ним. Это вызвало смешки у окружающих. Через почти минуту карабкающий ногами к небу, они оба поняли, где верх, а где низ и, разобравшись, наконец, со своими телами, встали, чтобы поприветствовать «известного» сталкера Бобра.

– А мы, представляешь, – коверкая слова, дыша перегаром и луком, протягивая руку, начал Малена, – сеодня с утра хотели идти на... а тут такое дело... такое дело-о-о-о... – протянул Малена, но, видимо, забыл, какое же дело было, отпустил руку, развернулся и, теряя равновесие, растопырив руки, словно сбитый истребитель, устремился назад на ящики.

– Бабе-е-е-рр!! – заорал подобравшийся к приятелю Шут в лицо, обдавая тем же благоуханием сталкера, что и Малена.

Затем в избытке щенячьих чувств, вызванных избытком алкоголя, обняв приятеля, заорал еще раз: – Бабе-е-ер! Вот! – многозначительно сказал Шут, поднимая вверх указательный палец и поворачиваясь к сидевшей неподалеку молодежи, – вот сталкер – сталкер Бобер.

Оба сталкера находились в последней стадии восторженно-жизнерадостного опьянения, после которой наступало либо полное беспамятство, либо долговременный сон.

– Ладно, ладно, Шут, – с улыбкой проговорил Егор, отпуская разгоряченную руку. – Чего празднуем?

Шут, обнявший одной рукой через плечо Егора и, надо сказать, этим немало обременивший сталкера, путаясь и коверкая слова, невероятно долго и невнятно поведал свой рассказ. Егор же, набравшись терпения, мужественно ожидал его окончания. Оказалось, что они с Маленой нашли каким-то чудом добредшего до мехдвора зомбированного, одетого в полосатую черно-белую ночную пижаму.

– Э, престаляешь? У пи-и-жа-ам-уу... – пьяно растягивая слова, пытаюсь заглянуть в глаза Бобру и увидеть, прямо скажем, охречение от этого факта, говорил Шут.

Затем они отобрали у зомби малопорченный винтарь, еще и несколько мелких артефактов, которые были у него в рюкзаке, причем зомби не пытался сопротивляться, даже наоборот, разбитой нервной системой и остатками инстинктов он остановил свое движение и поднял руки, почувствовав прицелы автоматов на себе.

– Е-мое-е! – дыхнул на Егора Шут, шатаясь так, словно переживал десятибалльный шторм. – Это же надо! – очередной раз поднимая вверх указательный палец, сильнее наваливаясь на Бобра и понижая голос до заговорщицкого шепота. – Он сам, панимаи-и-шь, сам дошел, сюда-аа... – выпячивая глаза, шептал Шут.

Затем, обобрав зомбированного, находящегося в очень порченном теле, они отпустили его, не убивая, желая проследить, куда он направляется. Тот двинулся в сторону кордона, миновал минную полосу, за всем сталкеры наблюдали в бинокль, и пропал из пределов видимости в районе блокпоста, причем ни звуков сирены, ни выстрелов слышно не было, что оказалось самым поразительным. Легко добытый хабар они сбывли Сидоровичу и теперь снимали стресс.

Выслушав историю и кивнув, Бобр уселся на освобожденное место к костру. Выпив положенные сто грамм за возвращение, за удачу и в целом для выводов радионуклидов, хотя он знал, что эффективность этого средства не на высоте, но для снятия стресса вполне подходящее, а стрессы сегодня были. Бобр, разложившись к общему столу своими припасами, пообедал, благо время было далеко за полдень.

Общий стол в лагере – дело своеобразное, на то это и Лагерь новичков. У кого жратвы не имеется, тот может перехватить, но если сталкер не понимает, что халявы на самом деле тут нет, то ему это объясняют запросто и без обиняков. В таком случае, если сталкер молодой, понимающий, но не прет ему с хабаром, он работает в пользу лагеря, как то часовым и другие поручения. В целом, свободного и гордого молодого человека, пришедшего в Зону за деньгами, свободой и романтикой, такое положение, конечно, не устраивает, и он из кожи вон лезет, чтобы принести из очередной недалекой ходки хоть что-нибудь. Как правило, такие отчаянные походы бывают дорогой в одну сторону. Бывает, прибивается такой новичок отмычкой в бригады к сталкеру с опытом, но случается, что меняет путь на тропинку падальщика-бандита. В таком случае после первого выстрела новичка-бандита его участь предрешена, кроме естественных врагов, мутантов и аномалий Зоны, у него появляются еще и вольные сталкеры – люди с опытом и характером. Кто не хочет кидать свою пайку на общий стол, может сесть отдельно и спокойно откусывать собственные консервы, все понимают, и слова против в жизни не будет. Заметив на расстеленной на низком колченогом столике клеенке большие луковицы, Бобр с удивлением поднял глаза:

– Откуда это? – спросил он ближайшего сталкера

– Да вот, вон за тем домом растет, – ответил тот, мотнув головой по направлению к полуразобранному домику. – Он сверху и на лук-то не похож, потому мимо ходили, а недавно вот разглядели... ничего, чистый, не фонит.

Бобр протянул руку, взял одну из луковиц, понюхал, и, решив, что витамины нужнее, и лук овощ из благородных, зла от него не будет, с удовольствием стрескал крупную луковицу с остатками тушенки. После вытерев проступившие слезы и прокашлявшись, направился к избе, в которой сейчас находился Волк.

Волк был крепким, выше среднего роста сталкером. Ладно сидящий на нем бронекостюм и болтающийся на груди респиратор долгое время были для новичков эталоном обмундирования. Волк сидел на табурете за деревянным столиком и рубился с Лебедем в карты. Кривой спал неподалеку, на широкой скамье, но так как и сам был детиной необычайной ширины, он не смог поместиться целиком на скамью, и его рука, соскользнув с тела, лежала на полу.

Прозвище свое Волк получил не столько за нелюдимый характер, сколько за его упорную манеру преследовать и брать заказанных монстров или людей. Заказы на людей были не его профилем, но когда один из молодых снялся с места, прихватив чужой хабар, Волк без раздумий принял заказ от обобранного сталкера и вернулся с ПДА вора через сутки. Некоторое время назад он вернулся с двумя малоизвестными личностями, может быть, бывшими бандосами, а может быть, наглухо примороженными одиночками, но в любом случае опознать их никто не мог, а опыт хождения в Зоне и боевая подготовка читались по их лицам. Лебедь был блондином трудно определяемого возраста, с равным успехом ему можно было дать от двадцати с хвостиком до сорока лет. Видимо, за его блондинистость его и прозвали Лебедем. Кривой – невысокий, широкоплечий брюнет с вечно небритой щетиной, золотыми зубами и шрамом на все лицо, пересекавшим его сверху вниз и справа налево, и ломанным в ту же сторону носом, что визуально давало эффект действительно искривленного лица. Троица держалась обособленно, редко подходила к костру и не стремилась к общению. Облюбовав и восстановив одну из наиболее сохранившихся изб, Волк с успехом мог создать свой клан, и были желающие поступить к нему в отмычки, но на все подобные вопросы он лишь сплевывал и отворачивался в сторону.

Бобру не очень-то хотелось разговаривать с Волком, поскольку не находил его приятной или даже терпимой личностью. Кратко поздоровавшись, он выяснил, что без нормальной волюны он им в одно место не уперся, в чем, собственно, Егор и не сомневался, а раздавать стволы у них нету. Сталкер и без этого прикидывал, что бы взять для похода. Также ему объявили, что до карьера идти один день, если выйти с утра, а на утро следующего спускаться за целью. Получив необходимую информацию, он вышел из избы. Про обратный путь никто не говорил, это не было в традициях сталкеров по известным причинам.

Он вернулся к костру, за разговорами, за чаркой прозрачного, время незаметно сошло в полночь, и сталкеры начали расходиться по избам и по облюбованным ночевкам. Бобр решил, что завтра у Сидоровича приобретет дробовик, залез по лестнице на чердак ближайшего дома, где у него и его приятеля Древня была оборудована постоянная комната и покоился спальный мешок. Все то, что поддерживало быт сталкеров Бобра и Древня, содержалось в большом металлическом ящике под замком. В ящике находилась газовая плитка, запчасти от нескольких убитых калашей, пистолет форт, патроны к нему и автомату, другие патроны россыпью, разного калибра и назначения, найденные у трупов, в тайниках, координаты которых переливались с ПДА, потерявших своих хозяев, ремонтные пластины для его куртки, еще один рюкзак, пара фляжек. Из личного то, что хранилось в правом углу ящика, – смена белья, стиральные порошки, бритвенные принадлежности, ножницы, пара кусков хозяйственного еще советского мыла, почти превратившегося в камень, но отстирывающего одинаково успешно носки, руки и тело, зубная щетка и советский же зубной порошок, который, как ни странно, пенился и чистил зубы на удивление хорошо. Рулоны туалетной бумаги, пара некомплектных аптечек и, конечно, заначка в две бутылки водки. А как вы хотели? Должен же уважающий себя сталкер соблюдать чистоту, так сказать, личную гигиену, стираться, подстригаться и вообще быть похожим на человека? Раздевшись и сунув пистолет на предохранителе под голову, скинув Древню: «ты где?», дождавшись ответа, что Древень в порядке и ночует на Ростке, Егор втащил лестницу внутрь и, зевнув, отправился в мир снов.

С его нынешним другом Древнем они познакомились месяца четыре назад и как-то сразу поняли, что оба не желают обязывать друг друга, имеют представления о законах жизни и Зоны и посему сошлись настолько, что даже хозяйство хранили в общем ящике.

– Сталкер, не соблюдающий принятых здесь законов, сам себя накажет Зоной, – так говорил ему Древень, на целый год дольше топтавший эти места, когда они распивали бутылочку казаков здесь же на чердаке. – Зона – особое место, – объяснял Древень. – Прорыв в реальность ноосферы!

С этими словами Древень доставал ПДА, куда были залиты биография и некоторые раскритические или просто просочившиеся в свет труды Циолковского, и начинал зачитывать отрывки Егору. Обычно это начиналось после того, как они приканчивали первую бутылочку. В целом, его наука, усвоенная Бобром, сводилась к следующему: человек здесь либо деградирует и погибает в два счета, либо проходит такую внутреннюю ломку, что уже не может вспомнить, каким он был до Зоны. Относительно соблюдения неписанных правил Егор давно убедился, живя еще на Большой земле, а попав в Зону, увидел, что замедление между причиной и следствием в Зоне, в отличие от Большой земли, разделяет не несколько лет или месяцев, а несколько дней или часов, а то и минут. Именно поэтому даже бандиты, соблюдающие свои понятия, принятые ими и идущие от «середины» души, и занимающие, по сути своей, место хищников и падальщиков в человеческой системе, нередко ведут очень успешные дела. Но поскольку сам контингент, в основном, там не отличается умом и образ жизни, как их потребности, приближены к животным, то и гибнут они, и плодятся десятками, как слепые псы. Все потребности таких человекообразных сводятся к много «По»: пожрать, поспать, побухать, потрахаться.

Некстати вспомнив пса с простреленной грудью и кровавым беззвучным оскалом, Егор уснул. Проснулся он утром под раскат грома и хлынувший на землю ливень в 5:30. Проверив ПДА и выглянув через чердачное окошко, убедившись, что все спокойно, не спеша и с удовольствием умылся из баклажки, позавтракал, разогрев на горелке консервы, запил чайком и, запахнувшись в дождевик, скорым шагом направился к Сидоровичу. Он знал, что Сидорович не спит, он то ли мучается бессонницей, то ли спит днем, во всяком случае, когда бы Егор ни заходил к нему в бункер, торговец всегда сидел на месте. Вот и сейчас, застав Сидоровича за чашкой кофе, сталкер, поздоровавшись, устался на дальнюю полку с навешанными на ней дробовиками. Среди копеечных обрезков и охотничьих ружей красовались несколько «Чейзеров-13» и пара СПСА-14. Торговец, вяло перехватив взгляд сталкера, снова занялся своим кофе, уставившись сквозь Егора.

– Дробовик нужен, Сидорович, – обратился к торговцу сталкер. – Думаю, «Чейзер» подойдет.

– Конкретней, сталкер, конкретней. Я тебе не контроллер, чтоб мысли угадывать. Тебе в масле или б/у, или такой, что сам починишь? – пробурчал Сидорович, не отрываясь от кружки.

– Нет, в масле не надо, дорого. Дай хороший, – пояснил Бобр и на всякий случай уточнил, – чтоб без проблем.

– Без проблем только слепой пес бывает... – продолжал бурчать торговец, но все же поднялся и подошел к полке. – Стало быть, идешь на Карьер? – не оборачиваясь, спросил он.

Секунду подумав, он прошел дальше и взял прислоненный к стене «Чейзер», стоявший особняком.

– Стало быть, иду, – дождавшись, когда торговец вернется и протянет ему оружие, глядя прямо в глаза, ответил Бобр. Торговец взгляд выдержал и слегка кивнул.

– Ну тогда смотри, – заметно повеселевшим голосом начал торговец. – Я эту машинку специально отложил, для особых случаев. Не смотри, что потертый, его умелец со Свободы машахатил. – Возможность ведения автоматического огня, – Сидорович поднял указательный палец вверх, подчеркивая важность момента, – магазин на восемь патронов, скорострельность, отдача, кучность, композиты, все до ума доведено. Не то, что заводские железки, а тут сам мастер душу вложил.

– Как же ее тебе продали? – спросил Егор

– Не твоего ума дело, сталкер, – резко ответил Сидорович, но потом, подумав, что будущий владелец, вероятно, должен знать историю оружия, добавил, – отдали за долги. Привет от Свободы. Так что ты не переживай, крови хозяина на ней нет.

– Ясно. Дай пару картечи, проверю, – сказал Бобр, протянув руку.

– На счет идет, держи, – сказал Сидорович, поставил два патрона в приемное окно, внимательно следя за сталкером.

Бобр взял патроны, вышел наружу. Бумкнул в ближайшее дерево с пяти и пятнадцати метров, чем переполошил бесчисленное племя ворон, и действительно убедившись, что отдача удивительно не высока, а пятно разброса, судя по следам на дереве, практически не изменилось, вернулся к торговцу. Сторговались на десяти тысячах и тридцати патронах, хотя Сидорович ревел как медведь и упирался, что твой осел. Напоследок выяснив, что нашелся пятый, некий Фома, и получив номер его ПДА, сталкер Бобр направился к дому Волка.

Волк со своими подручными и новым сталкером Фомой, выглядевшим очень уж молодым, но достаточно крепким парнем, курили и ждали Бобра у порога. Фома был одет в сталкерский комбинезон средней защиты, приблизительно как у Бобра, и вооружен охотничьим ружьем. Волк и его напарники были экипированы не в пример лучше: стандартный для них «Берил-5М», «Вал» и «Чейзер-13» у Кривого, ТРС-301 с подствольником у Лебеда и FN 2000 и «Чейзер» у Волка. «Ишь вырядились...» – с некоторой завистью подумал Егор.

– С вечера готовится надо было, – как будто прочитав его мысли, процедил Волк и сплюнул.

Оценив ситуацию, чувствуя, что действительно Егор недостаточно дисциплинированно отнесся к походу, привыкнув к одиночным ходкам и ориентируясь на себя, развернулся и быстро метнулся на чердак, схватил рюкзак, благо он у него всегда готов, по-быстрому набрал из ящика картечных патронов 12×70 и вернулся к ожидающим его временным компаньонам, хмуро поглядывавшим на небо, из которого вот-вот должны были брызнуть новые дождевые капли.

– Тронули, – сказал Волк.

Поскольку до схрона, прилегающего к Карьеру, они должны были добираться весь день, сталкеры выбрали средний темп. Время от времени ведущий Волк менялся с Лебедем, третьим и четвертым шли Бобр с Фомой, а замыкал цепочку Кривой. Через пару часов пути, когда относительно безопасные места остались позади и незримая тропинка привела в Темную долину, которую надо было пересечь по краю, Бобр убедился, что имел неправильное представление о Волке. Сейчас сталкер Волк больше не напоминал угрюмого и нелюдимого наемника, его лицо как будто разгладилось, посветлело, глаза в редкие минуты, когда он оборачивался назад, проверяя хвосты, сияли умом. Со сталкером Лебедем также произошли перемены: если ранее он напоминал апатичного, ни рыба ни мясо человека, то сейчас во всех его движениях сквозила сила. В те минуты, когда он вскидывал автомат к плечу для осмотра окрестностей, визуальнo проверяя через оптику подозрительные места, Бобр не переставал удивляться, насколько плавно и быстро приклад автомата оказывался у плеча бойца. Только Кривой оставался кривым, продолжая негромко пыхтеть, он тем не менее не забывал оглядываться и не выпускал «Вал» из рук. Только молодой Фома без конца крутил головой и топал чуть громче других и, наверное, чувствуя себя в излишней безопасности, повесил свое ружье на плечо стволом вниз.

Сам Бобр подобрался, внутренне понимая, что скоро он выйдет на малознакомые территории, а с учетом той скорости, с какой они обходили аномалии и продвигались вперед, эти ходки были куда опытнее, чем годовалый Егор. Бобр и до этого понимал, что первый год в Зоне он выжил потому, что не совался в одиночку на незнакомые земли и не пускался в авантюры, а сейчас есть реальный шанс улучшить свои навыки и знания.

Несколько раз им на след вставали слепые псы, но, видимо, чувствуя силу отряда, не осмеливались преследовать его слишком долго. Пару раз приходилось огибать опушки и двигаться на цырлах, стараясь не привлечь внимания пасущихся или отдыхающих кабанов, у которых недостаточно ума, чтобы игнорировать людей. Столкновение с семейкой здорово выросших при содействии аномальной энергетики Зоны животных привело бы к лишней трате боеприпасов и времени. Один раз на выходе из долины Волк в электронный прицел своего

автомата разглядел кровососа, ходившего по островку мелкого озера, и так же предпочел не связываться. Только Кривой дольше обычного держал в прицел своего «Вала» данную скотину, пока отряд отдалялся от опасного и неприятного обитателя. Пообедав на месте своеобразного временного лагеря всех бродяг, где виднелись остатки кострища, пару разбитых бутылок и консервных банок, группа снова тронулась в путь. Разговоров в походе почти не было, Егор и сам видел, что троица прекрасно понимает друг друга с помощью знаков и кивков, а на молодых они просто не обращали внимания.

Так, двигаясь в относительной безопасности за спинами компаньонов, чувствуя гуденье в натруженных ногах и усталость от рюкзачных лямок в плечах, они добрались до старого контейнера, покоившегося недалеко от Карьера. Контейнер был прострелян со всех сторон, даже крыша изнутри была прошита автоматными очередями, двери были безнадежно деформированы взрывом и не могли ни закрываться, ни открываться, оставив лишь кривую щель для вхождения одного человека. Но сам схрон располагался в землянке, на которой, по сути, и стоял контейнер. И уже в свете заходящего, на миг промелькнувшего среди вечных облаков солнца Бобр увидел силуэт огромного роторного экскаватора, символизирующего прошедшую эпоху больших побед трудящихся над своими свободами. Завтра будет новый день.

Глава 3. Добыча

Утро. Отряд собрался за импровизированным столиком, на котором покоились остатки завтрака и хлебные крошки, в свете карманного фонаря казавшиеся причудливыми кристаллами, проросшими на поверхности стола. Впрочем, тут уже была средняя Зона, и некоторое искажение в ощущениях поначалу чувствует каждый, особенно новичок. А вот в глубокой Зоне даже бывалый сталкер чувствует себя не просто неуютно под воздействием аномальной энергии исходящей от ЧАЭС, но и нередко испытывает галлюцинации, способные сломить его психику. Вероятно, это одна из причин, по которой и без того ходящий по лезвию сталкер рано или поздно совершает ошибку, стоящую ему жизни. Нередко вернувшийся из глубины Зоны живым, сталкер психически отличается на несколько лет от сталкера, уходившего в рейд несколько дней назад.

Волк давал инструкции молодым, сидя на грубо сколоченном табурете.

– Бобр, Фома, ваше дело не высовываться, основная работа на нас. Цель в сейфе, если код не подойдет, то вы оба его и попрете, для этого вас и взяли, – категорично заявил Волк.

Бобр слегка скривился: «Что за хрень, я что, в носильщики нанимался? А с другой стороны, подрядился не спрося, и пеняй теперь на “ся”...» На Фому же такой расклад никак не повлиял, он продолжал флегматично смотреть перед собой. Выдержав паузу, Волк продолжил:

– Кровососов там видимо-невидимо, мне с утра сообщение пришло от Киселя, что сосунов десятка три, наблюдалось пару дней назад.

Эта новость стала неожиданностью даже для Лебеда и Кривого, судя по их лицам. Что же касается Бобра и Фомы, так у Бобра просто отпала челюсть, а Фома вдруг стал серым, как портянка. Сделав еще более значительную паузу, Волк уже тише и как-то по-свойски сказал:

– Бывают тут на Карьере такие нашествия, то ли размножение, то ли... кто его знает.

Фому пробил нервный смешок.

– Слушай, Волк, ты чо, в натуре?! Ведь поляжем все, как пить дать, поляжем, – в голосе Фомы чувствовались истеричные нотки.

– Вот уж не думал, что такое скажу, но кто обгадился, может возвращаться, – конкретно ни к кому не обращаясь, сказал лидер отряда.

Настало время задуматься Егору. «Черт, а ведь и правда, если там столько тварей, то и сомнут, никакие командос не помогут», – думал он, украдкой разглядывая лица Кривого и Лебеда. Их лица были сосредоточены и спокойны, разве что у Лебеда нарисовался пунцовый румянец на щеках. В этих ребятах можно было не сомневаться. «А я... а что я...» – он погладил свежеприобретенный дробовик, – и ты мне, брат, не сможешь против нескольких таких тварей, сразу хоть два чудо-дробовика выставляй и в экзоскелет залазь – ничего не поможет».

Егору вспомнилось, как он уделал своего первого кровососа. Тот выскочил на него в сумерках, недалеко от станции Янов. Егор стоял на островке, окруженном низкой водой, и обдумывал, как лучше обойти открывшееся перед ним водное пространство и по возможности не намочиться выше колена. Благо в тот момент он успел сообразить, что значит быстро приближающаяся к нему слева еле заметная воздушная марь и цепочка водных следов, оставляющих едва слышные всплески. Разворачиваясь и одновременно нажимая на курок, он увидел сначала бурые фонтанчики жидкости, вырывающиеся из ниоткуда, а затем и всего монстра, растерявшего свою невидимость и замедлившегося по причине болезненных попаданий с расстояния двадцати метров. Силой отдачи ствол начал задирается вверх, и очередь начала подниматься от живота на грудь и на морду монстра, с гулким дребезжанием вбиваясь в грудину мутанта и разворачивая его щупальца.

Надо сказать, что практически все кровососы обладают непостижимой с медицинской точки зрения живучестью и способностью к регенерации. Хотя в Зоне, наверное, нет таких

мутантов, кто бы не удивил медицину своими регенеративными способностями. Но кровососы – это отдельный вопрос среди классифицированных и распространенных мутантов. Итак, благополучно разрядив весь магазин в монстра и прекратив орать, Егор схватился за тогда новый «Глок» и разрядил еще пол-обоймы в согнувшегося и шипящего мутанта, который уже просто брел в сторону сталкера, вытянув обе когтистые узловатые лапы. Мутант не дошел до Егора метров пять и рухнул в грязь, дергаясь в судорогах и взбивая муть в некогда прозрачной воде. Поскольку Бобр всегда был хорошим учеником в Зоне, в отличие от того Егора, который некогда жил на Большой земле, в школе и в ПТУ всегда смотрящего сквозь учителя, тут он усвоил, что лучшая тварь – это та тварь, у которой нет даже признаков жизни. Поэтому перезарядив автомат, от избытка чувств он расстрелял еще пол рожка, в упор прошив голову дергающегося и извивающегося мутанта, теперь уже наверняка. Оглядев себя с ног до головы, он плюнул на недавнее желание пройти чистеньким через болотце и напрямик попер на станцию. Весь бой занял полминуты реального времени, но нервов и адреналина было сожжено на неделю вперед. После того, как он пришел на станцию, его наконец проняло до трясушки, и пока в окружении таких же сталкеров он рассказывал свою историю, его долго не брала водка, выпиваемая им гранеными стаканами.

Вспомнив эту историю, Бобр задумался: «А с другой стороны, если назад пойду, как Сидоровичу на глаза показаться и другим сталкерам? Считаю все, какую. Сидорович запомнит и со мной нормально торговать не будет, или Зона сделает свое дело за то, что товарищей бросил, наверное, даже на пути обратно. Нет. Сказано – сделано, не могу отказаться от дела!» – решил он, чувствуя как зашумело в ушах от поднявшегося давления.

– Я с вами, – хрипло прошептал Егор, и сам не узнал собственный голос, так осипше и почужому он звучал. – Я готов, – подтвердил он вторично, уже громко, внутренне обращаясь как к товарищам, так к себе, так и к Зоне, которая, казалось, незримо следила за ними тысячами глаз, из каждой щелки и поры в стене землянки.

– Ну вы че, мужики, мля... – испуганно заозирался Фома. – На убой же идем! Там тридцать рыл! – уже почти завыл он.

В ответ ему отозвалось лишь молчание. Сталкер должен сказать свое слово. Вдруг Фома как-то сдулся, как будто уменьшился в размерах, потемнел лицом и даже одежда как будто вдруг стала меньше, прилипая к нему, словно пугаясь показаться за пределами своего обладателя. И тут все поняли – не жилец. Такое бывает. Даже независимо от того, пойдет ли он назад, или пойдет со всеми, он предрешил свою участь, его страх стал больше него, а люди со страхом, заполонившим душу, не живут в Зоне. Они ее питают.

– Дайте водки – попросил Фома.

Кривой протянул ему бутылку, в которой оставалась половина. Фома схватил ее трясущимися руками, без предисловий закрутил в штопор и влил в себя всю. Выдохнув, осоловело огляделся, криво ухмыльнулся. Получилось не очень.

– Ну пошли, покойнички! Сабака лаяла на дядю фраера... – вдруг пьяно и не к месту пропел он.

Волк, пристально смотревший на Фому, кивнул.

– Проверить оружие, оправиться. Готовность на выход десять минут, – четко распорядился сталкер.

Выбирались из землянки, а потом из контейнера, с оглядкой ошестинившись автоматами и дробовиками во все стороны. Путь лежал к юго-западной окраине Карьера, что было по левую руку и вперед от контейнера. Там был более пологий спуск, и там было ближе до указанных координат тайника.

Карьер представлял собой неприятное грандиозное зрелище. Огромный роторный экскаватор, который теперь был справа, то здесь, то там опутывали космы ржавых волос, само дно карьера кое-где заполнилось неглубокой водой, поросло низеньким битым кислотами камы-

шом, местами висели облака тумана, странным образом никуда не перемещающегося, и подсвечиваемые снизу призрачным зеленым светом химических аномалий, студнями или холодцами. В оптику просматривались другие железки практически ушедшей в грунт техники, крыши бульдозеров, торчащие поодаль кузова четырех самосвалов. Глядя в свой бинокль, Егор увидел то, что, несмотря на всю отчаянность ситуации, не могло не порадовать его как сталкера. На некоторых проплешинах дна карьера, свободных от растительности, проглядывались небольшие светло-зеленые, синеватые и красноватые пляшущие предметы – артефакты. Много артефактов. Сталкеры, спускавшиеся за ними к карьере, уже не возвращались, даже те, которые пытались прибрать то, что находилось по краю, не возвращались. На это указывало пара брошенных и распотрошенных рюкзаков, одиноко лежащих в ожидании уже никогда не вернувшихся за ними хозяев.

– Кривой, в центр, – указал Волк.

Кривой сместился в центр. Сталкер знаками указал, где расположиться Фоме и Бобру, теперь они шли мелкими шагами, вырисовывая своей позицией букву «М», спереди слева был Лебедь, спереди справа Волк, чуть отстав от них, прильнув к оптике «Вала», крался Кривой, а сзади, сместившись левей и правее остальных, шли Фома и Бобр. Волк поднял вверх кулак, приказывая группе остановиться. Кривой, зная, что это значит, изготовился к стрельбе из положения лежа, Лебедь и Волк с колена. Фома и Бобр остались стоять. Полуобернувшись, Волк пояснил ситуацию для молодых:

– Там по краю гравитационки, сосуны скопом сразу не выскочат. Будут просачиваться поштучно. Кривой попробует снять по-тихому сколько получится, потом мы с Лебедем, когда попрут остальные, а ваше дело смотреть по сторонам, если с фронта прорываться будут – еще не беда, а если сбоку хоть один проскочит, считай, амба. Просрали матч! – заявил он, выдавая в себе некогда заядлого болельщика футбола. – Молодежь, задача ясна? – спросил он, глядя в первую очередь на Фому, тот лишь до побеления в костяшках рук стиснул ружье и кивнул. От хмеля не осталось и следа. Бобр также ограничился кивком, хоть от внутреннего нахлынувшего жара сперло дыхание, и он понял, что от адреналинового спазма не может даже сглотнуть. Волк отвернулся, уставившись вперед через оптику электронного прицела FN 2000. Кривой, немного поерзав плечами, застыл.

– Вижу. Один, два, три... еще... – сделав секундную паузу, тихо зацокал «Вал». ЦЫК, ЦЫК, ЦЫК. Этот звук казался таким мирным в сером небе Зоны, прохладный ветерок качал серые травинки, едва касающиеся ствола «Вала». ЦЫК, ЦЫК, ЦЫК – продолжал свою смертоносную работу «Вал». В это же время Лебедь и Волк неотрывно через оптику следили за тем, что творилось внизу.

– Минус два, – прошептал Волк, заметив, как две фигурки, застывшие в разных точках в камышах, повалились, распластав конечности.

Кривой с умом делал свое дело, выбирая цели, стоящие на грунте, чтобы те своим плеском при падении не растревожили раньше времени всех остальных. ЦЫК, ЦЫК, ЦЫК – продолжал свой смертельный пересчет «Вал». В это время со стороны карьера донесся леденящий жилы звук, похожий на звук открытого на кухне крана при отсутствии воды, но усиленный в десятки раз.

Улей был разбужен, фигурки внизу заматались, то впадая в режим невидимости, то выходя из него. Потревоженные кровососы все еще не определились с источником опасности. В это время мягко, короткими очередями заработал автомат Волка с интегрированным глушителем и ТРС-301 Лебеда с установленным глушителем начал выпускать смерть с бронебойным сердечником поштучно. Еще секунду карьер накрывала тишина, но вдруг она взорвалась многоголосым ревом десятков мутантов, и Бобр как будто почувствовал волну неудержимой ярости, ментальным ветром дунувшей из карьера. Теперь их увидели.

Фигурки кровососов двинулись по направлению к людям, также то проявляясь, то исчезая. Бобр краем глаза увидел красно-бурую вспышку, это то, что осталось от кровососа на бегу, в порыве быстрее добраться до людей, влетевшего в птичью карусель. Теперь уже автоматы стрекотали дружнее, уже отсюда было видно упорядоченное движение, которое появилось на дне котлована. В сторону отряда сталкеров вдруг прочертились быстроисчезающие линии в камышах и на поверхностях воды. Кривой сменил положение с лежачего на стрельбу с колена и продвинулся вперед так, чтобы стоять на одной линии к фронту с Волком и Лебедем. Автоматы стрекотали, и стали чаще поворачиваться стволы, очевидно, цели были множественные. Глянув на ПДА, Бобр убедился, что пока ни один мутант не миновал отметку в две сотни метров, по крайней мере его не самый продвинутый ПДА спокойно светился зеленым светом, показывая лишь пять зеленых точек. Это, с одной стороны, вселяло надежду, что, может быть, так и повалим всех сосунов, выбегающих через насаждения гравитационных аномалий в строго определенных местах, в три замечательных ствола и в три пары верных рук, а с другой стороны, отсутствие деятельности нервировало еще больше. Казалось, что Бобр уже бесплотный дух, из-за плеча наблюдающий за боем сталкеров, и от этого наваждения ему сделалось не по себе. Это было воздействие Зоны, это она пронизывала мозг своим излучением, и тут ей нельзя поддаваться, принимая навеваемые иллюзии за действительность. Стрелки перезаряжались по очереди, пустые обоймы уже по паре возле каждого лежали на земле.

– Заряжаю, – первым крикнул Кривой.

Через несколько секунд это же повторили Волк и Лебедь. Бобр с Фомой переглянулись, и Бобр лишь крепче схватил дробовик, да почувствовал неистовое желание скорее грохнуть дробовиком, чтобы хоть как-то для себя же обозначить свое присутствие. Кровососы все перли и перли, постепенно просачиваясь через коридоры аномалий. На дальней дистанции частично видимые, поскольку режим стелс был основан на рефлексе уже прямого нападения на добычу, а дистанция, которая имела, не давала им постоянной прямой видимости цели и, соответственно, для полноценного включения режима невидимости им нужно было осознанно заставлять себя включать и поддерживать режим, но вот с мышлением у них как раз было не так хорошо, как с физическими параметрами. Бобр все-таки позволил себе секундную вольность, приложил к глазам бинокль и разглядел на краю притопленного дна карьера метрах в пятистах, возле разделительной полосы воды и суши, поросшей камышом и гравитационными аномалиями с десятков лежащих в разных позах фигурок кровососов. Спешно спрятав бинокль, он снова схватился за «Чейзер» и ободряюще кивнул вопросительно глядевшему на него Фоме.

– Подствольники, – раздалась команда Волка.

Кровососы выбрались на достаточно чистую от аномалий поверхность и стремительно понеслись на горстку бойцов, на ходу теряя видимость. Это было фантастическое зрелище, рослые, с щупальцами в нижней части головы, издали напоминающие бороды в пятнах грязи и крови, неуклюжие, сутулые уроды, переминавшиеся с ноги на ногу при обходе аномалий, так нелепо спотыкающиеся друг о друга и от попаданий стрелков, вдруг преобразились в стремительные и изящные смертоносные машины, синхронно ускорившись, восемь особей, миновавшие почти одновременно полосу аномалий, полукругом понеслись на сталкеров.

– Тах-х-х, тах-х, – с характерным хлопком выплонули гранаты подствольники Волка и Лебеда, дальность выстрела для этих подствольников в соответствии с тактико-техническими характеристиками составляла четыреста метров. Гранаты легли в трехстах с лишним метров. Два взрыва прозвучали почти одновременно, облако пыли на секунды закрыло вид на прибрежную полосу карьера.

– Минус один, – крикнул Кривой, глядя на свой ПДА, отсчитывал дистанцию и оценивал силы противника.

– Тах-х, тах-х, – выплонули еще осколочные капсулы гранатометы.

– Триста метров, на час и на одиннадцать.

Еще две гранаты ушли навстречу цели в поиске поживы.

– Минус два, плюс два, – крикнул корректирующим направлением сталкер, давая знать, что вместо двух убитых кровососов берега достигла еще пара особей.

– Тах-х, тах-х, – с подвыванием вышли еще две гранаты, еще два взрыва слились в один.

Теперь красные точки появились и на ПДА Бобра и Фомы, предел идентификации жизненных форм которых был до двухсот метров. Теперь их было уже шесть. Волк переключился на автоматический режим огня своей FN, электронный прицел которой включал в себя идентификацию и в инфракрасном свете, и садил в видимую ему фигуру короткими очередями, Кривой схватил дробовик. Сплюнул и, набычившись, взял на мушку пространство впереди себя, Лебедь, расстреляв обойму по сгустку полупрозрачных кровавых пятен, перезарядился и, обернувшись, крикнул двум все еще не проявлявшим активности сталкерам

– Не зевать, мужики, сейчас будет встреча!

Он мог этого и не говорить, нервы Бобра и Фомы, натянутые до предела, горели от вынужденной бездеятельности. Казалось, уже проще самим побежать с криком на приближающиеся согласно ПДА красные точки и садить в эти прозрачные преломления воздуха хоть ружьем, хоть пистолетом, хоть ножом, лишь бы не стоять и не ждать, подобно римской фаланге, когда же враг ударит своим оружием, весом, криком и яростью по щитам и броне. Вдруг Фома вскинул ружье, прицелился и выстрелил левее Лебеда, в этот же момент из воздуха метрах в пятидесяти нарисовалась окровавленная морда кровососа и за ней грудь и плечи мутанта, тут же Лебедь, сориентировавшись, вложил в проявившегося мутанта очередь, заставив того рухнуть со всего бега на землю и, кувыркнувшись словно тряпичная кукла, затихнуть. В это же время синхронно ударили дробовики Волка и Кривого, но уже по своим целям. Развернувшись вместе с дробовиком правее, чтобы контролировать правый фланг и часть фронта, Бобр увидел несколько размытых пятен, и солнце, которое показалось из-за тучи, еще четче очертило силуэты приближающихся монстров.

Мутанты входили в зону своей смертельной эффективности, начался танец жизни и смерти, рычащие монстры, получив заряд картечи в части тела, либо меняли траекторию, проносясь рядом со стрелками, со свистом рассекая воздух когтистыми лапами, либо не добегая валились на землю, где их добивали сразу с нескольких стволов. Столь долгая пробежка на пределе мощности вверх по склону, многочисленные пулевые и осколочные попадания на подходе к людям дорого стоили кровососам. Их маскировка перестала быть идеальной, кровь и грязь делала их достаточно видимыми, а ранения не такими быстрыми, но все равно набегающая на Кривого тварь не остановилась, приняв несколько парных зарядов картечи в тело, и на ходу, казалось, едва задела сталкера, который отскочил в сторону, устояв на ногах, развернулся и выстрелом в шею сзади повалил-таки монстра. Кровосос, скрипя и молотя конечностями, взбивая пыль, извивался на земле в центре группы. Кривой, на долю секунды встретившись глазами с Бобром, отвернулся, и Егор, поняв его без слов, через мгновение добил мутанта. Сталкеры держали строй, пальба велась непрерывно, ограниченность мышления кровососов не давала им возможности атаковать разом, поэтому один за другим они валились на землю. Бобр старался придерживать выстрелы, пока Волк не крикнет «заряжаю». После выкрика Кривой и Бобр делали шаг ближе к практически на ощупь заряжающемуся сталкеру, а тот вставал на одно колено, чтобы не занимать сектор обстрела и при необходимости сделать спасительный кувырок с траектории мутанта. Когда пришла пора заряжаться Егору, он, непривычный к командной стрельбе, не выкрикивая, начал спешно перезаряжать дробовик, на что кинувший через плечо взгляд Кривой заорал:

– Бобер-сука заряжает!

После этого Волк, не переставая отстреливаться, сделал шаг назад к Бобру. Со всей кучки сталкеров о зарядке кричали лишь носители дробовиков, Лебедь же практически моментально, словно из ниоткуда доставал новые обоймы, также быстро щелкивал их, продолжал стре-

лять очередями, раздаривая подарки по нескольким направлениям, при этом он незначительно отдалился от группы, но его напарников, видимо, это не особо беспокоило. Фома удивлял эффективностью и точностью стрельбы, стреляя жаканами со своего охотничьего ружья, от каждого попадания которого кровосос ощутимо сотрясался и терял в скорости. Но вот скоро грохот выстрелов стал реже, лишь Лебедь, отступая, достреливал плетущегося на него монстра, но выстрел Фомы опрокинул и успокоил тушу. Вокруг кучки сталкеров валялось в разных позах шесть кровососов разных размеров и расцветок. От бледно-зеленого до желтоватого с какими-то красными пятнами. Действительно, кровососы здесь были как будто бы из разных мест, даже их длина и толщина не имели схожих пропорций.

– Не расходимся! – скомандовал Волк. – Все целы?

Сталкеры осмотрелись. Бобр все еще был в некоем шоковом состоянии и лишь бессмысленно крутил головой и корпусом, ища цели. Фома осторожно переступил через труп кровососа и приблизился к Волку.

– А мы ведь их того... – растерянно проговорил он, улыбаясь бледными губами, – мы их того, значит... уделали...

– Не ссы, малыш, – весело крикнул возвращающийся Лебедь, оценивая обстановку и придерживая ТРС-301 возле груди.

– Меня помяло, мужики, – сдавлено простонал Кривой и сел на землю. – Сосун, сука, ребро сломал, кажись, – Волк озабочено склонился над сталкером.

– Всем перезарядиться, – скомандовал он. – Лебедь на контроль. Ничего, Кривой, я там внизу «ломоть» видел, прилепим, отлежишься и как новенький будешь, – говорил он, помогая снять сталкеру бронезилет.

Картина, открывшаяся под бронезилетом, заставила его присвистнуть, правая сторона была сплошным синяком, под кожей видны были угловатые сломы двух ребер, сама же рана на глазах отекала. Вколлов пострадавшему обезболивающее и отнеся его обратно в землянку, отряд из четырех человек, пересчитав патроны, вернулся к месту побоища. Волк кратко обрисовал обстановку.

– Здесь у нас штук двадцать трупов, если Кисель не напутал в своем сообщении, то еще штук десять сидят в карьере и на нас так и не вышли. Достать их там теперь будет самое сложное, одно дело валить подбитого и выдохшегося кровососа в чистом поле, другое дело лезть к ним на кухню. Значит, они либо раненые, либо шибко умные, либо, на наше счастье, Кисель со страху на десяток голов в большую сторону обсчитался. Так что не дрейфь, Фома, может, это последние, – подмигнул он сталкеру. – Вопросы?

– А может, их еще с берега пострелять? – с надеждой предложил Егор.

Ему совершенно не хотелось спускаться со столь уютного бережка в серо-зеленую, поросшую камышом, туманами и кислотными аномалиями яму. Уж больно мрачные мысли навевала она при виде того, какие твари предпочитают обитать в такой среде, а при мысли, что там может быть еще с десяток кровососов, у Бобра начинало крутить в животе.

– Нет, если они на такой шорох не вышли, то теперь тем более попрячутся. По одной штуке мы в четыре ствола повалим и то не факт, если в камышах стреляться, но если два-три сразу, то хреново будет, поэтому идем тихо, как в буфет за заначкой.

– А как с артефактами быть? – подал голос Фома. – Про хабар-то уговора не было.

– Хабарок тут имеется, – усмехнулся Волк. – Увидишь что путное, подаешь знак остальным, мы прикрываем. Только помни, что задерживаться тут ой как не рекомендуется, по-быстрому дошли, приняли и назад. Не за хабаром мы сюда шли.

Как-то незаметно для себя, поблагодарив Зону за сохраненную ему жизнь и поцеловав пахнувший пороховой гарью дробовик, Бобр по указанию ведущего встал в хвост колонны. Первым шел Волк, за ним Лебедь, уставившись на ПДА, третьим Фома, задача которого была «не шуметь как слоняра», и замыкающий Бобр. Приближаясь к гулкой стене гравитационных ано-

малий, сталкеры без особого труда выбрали одну из тропинок, по которой выбирались кровососы, благо их тела и следы оставляли отличные ориентиры. Также Волк подобрал «ломоть мяса», восстанавливающий здоровье артефакт для Кривого, невдалеке прыгала «душа» – дорогой и редкий артефакт, но подхода к ней не было видно, а терять время на исследование возможностей подхода было недопустимо. По ходу прикинув и так и эдак, как Кривой умудрялся стрелять с учетом расположившихся тут трамплинов, воронок и каруселей, Егор еще раз уважительно покосился на некогда казавшегося ему нелюдимого и как будто высокомерного сталкера Волка. «Наверное, он не такой уж и зазнавшийся и нелюдимый наемник, а бывалый сталкер, профессионал, так его. С молодняком ему просто не по пути. Интересно, почему он торчит в Деревне новичков, а не обосновался где-нибудь ближе к уловистым местам?» – думал Егор.

За этими мыслями они неспешно миновали гравитационный пояс и вступили на затянутое водой дно Карьера. Здесь господствовало царство мрака и разложения, утреннее солнце снова спряталось за хмурыми тучами, сам воздух тут был пропитан сыростью, запахом тины и раздражающим нос запахом разлагающейся под действием кислот растительности. Где-то невдалеке что-то пузырило, глянув на ПДА, Егор, кроме казавшегося отсюда непроходимым, оставшегося метрах в пятидесяти позади пояса гравитационных аномалий, увидел разбросанные в случайном порядке пятна химических очагов. Лебедь застыл, подняв руку, знаками показал одну цель справа в трехстах метрах и направление на тайник вперед. Постепенно приближаясь по направлению к тайнику возле неизвестной Бобру химической аномалии, весело подкидывавшей над своей ярко-зеленой поверхностью такие же ярко-зеленые капельки, и потому создавая легкий шелест, Фома углядел «пузырь» – очень редкий артефакт, не имеющий вредных воздействий на человека и выводящий значительную дозу радиации из человеческого организма. Только одно это его свойство повышало его цену уже в пределах Зоны до головокружительных сумм. «Пузырь» плывал по поверхности аномалии, дразнил лаковой поверхностью, выплывая за ее пределы, но тут же прятался обратно в родную обитель. Увидев такой хабар, Фома отвалил челюсть и встал колом. Впереди идущие сталкеры остановились.

– Ну молодец, глазастый, – шепотом похвалил Фому Волк. – Иди добывай, прикроем.

– Ага, косарей на пятьдесят, – улыбаясь до ушей, так же шепотом ответил Фома.

«Да, повезло... – в свою очередь подумал Егор. – Может, и самому в бригаду какую напроситься? Ишь какие кусищи на дороге валяются. Один бы я в жизни сюда не добрался», – с некоторой завистью подумал Бобр и сверился с ПДА на наличие жизненных форм поблизости. ПДА был чист, за исключением все тех же химических очагов, которые, как показалось Егору, немного сместились к центру экрана.

Фома перекинул ружье на плечо, взял в каждую руку по болту и, растопырив их так, будто намеревался схватить зажатого в угол поросенка, медленно двинулся к аномалии. До кислотной вдовы, именно так назвал ее Лебедь, было метров двадцать. Пройдя очень медленно с десятков метров, Фома застыл, видимо, оценивая, как лучше пройти к резвящемуся под кислотным душем артефакту. Внезапно метрах в трех от застывшего сталкера под толщей воды что-то шевельнулось, это было похоже на движение крупной рыбы или змеи. Но какая к чертям рыба на дне заброшенного Карьера? Автомат и дробовики прикрывающих мгновенно взлетели в боевое положение и оказались нацеленными на спину Фомы, поскольку он стоял на линии огня. Фигура Фомы казалась каменной, настолько недвижимо он застыл. Прошло одна, две, три... пять секунд, ничего не происходило, только двинувшийся за хабаром сталкер еще медленнее, чем приближался, не оборачиваясь и не сводя руки вместе, начал отступать назад к отряду. В таком же неестественно медленном темпе он встал на свое место, снял ружье и на вопросительный взгляд Лебеда, мол, «ну что там?» тихо и с деланным безразличием ответил:

– Ну его, не очень-то и хотелось...

Волк согласно кивнул, хотя было видно, что ситуация его развеселила, но вероятнее всего, он бы тоже не рискнул сунуться через то, что создало возмущение на поверхности воды.

Восстановив походный порядок, отряд продолжил красться к уже недалекому маячку тайника. Тайник располагался в старом, облезшем сейфе с шифровальным, заеденным кислотой, лимбом на дверце. Сам сейф стоял в центре сухой поляны. Каким чудом этот сейф оказался здесь и что за орлы умудрились спрятать там неизвестную вещь, было для Егора непостижимой тайной. Поскольку свои тайники он старался прятать так, чтобы его нельзя было найти, а не так, чтобы нельзя было добраться. Вероятно, вещица стоила кучу бабок, раз столько усилий было потрачено на то, чтобы ее спрятать. Волк подошел к сейфу, внимательно оглядел его на наличие нежелательной защиты от чужих, типа гранаты, достал нож. Оглянувшись по сторонам, он просунул его в щель между дверцей и медленно начал отжимать ее. Дверца оказалась не заперта, но то, что случилось дальше, по нежелательности, возможно, было равносильно гранате с обратной ее стороны. Дверь невероятно громко закрипела, в тишине карьера это прозвучало как удар по рельсе повара, созывающего рабочих на заслуженный обед. Тут же со всех сторон раздались рев и хрипы местных обитателей, внявших призыву заботливого повара. Волк протянул руку, вытащил сверток из сейфа, положил его в специальный чехол и упаковал в рюкзак.

- Ходу, – теперь уже не таясь, скомандовал Волк. – Бобр ведущий. Не останавливаться.
- Множественные цели на периметре слежения, – доложил Лебедь.
- Сколько?
- Пока пять объектов.

Отряд сталкеров, развернувшись и уже не таясь, начал уносить ноги, Бобр, глядя на ПДА, определенно заметил, что все химические аномалии сместились ближе к проторенной ими тропинке, то ли питались они мутью, взбитой ногами сталкеров, то ли охотились, но люди своевременно покинули зону их обитания. Секунду размышляя, стоит ли говорить об этом остальным, Бобр уже было открыл рот, но раздавшийся как будто совсем неподалеку мощный рев мутанта, выветрил все слова из головы Бобра и подкрутил обороты его ходуль настолько, что он с дробовиком наперевес, разбрызгивая грязь и топоча, ломанулся вперед. Сзади него топал Фома. Глянув на ПДА, Егор разглядел три красных объекта, преследующих их группу.

«Мать моя, это же ни фига не песики, – почему-то вспомнилась ему недавнее, но уже казавшееся очень далеким, происшествие, где он также улепетывал от слепых псов. – Когда же это кончится? – с тоской подумал он, – мы же вершина пищевой цепи, человек ни убегает ни от кого...»

Несясь во весь свой сталкерский дух, Егор, представитель вершины пищевой цепи, сосредоточился на том, чтобы не влететь в аномалию и не погубить при таком темпе весь отряд. Ведь смерть в таком случае будет невероятно жестокой и болезненной. Сзади раздались выстрелы. Палили Волк и Лебедь, которые немного отстали от бегущих Фомы и Бобра. Оба сталкера остановились и развернулись в сторону стрельбы. Злые сухие выстрелы «Чейзера» Волка перемешивались с короткими отчаянными очередями автомата Лебеда, но вот очередь вдруг стала длинной, и раздался визг мутанта, еще пара выстрелов картечи, и визг затих. «Минус один», – с облегчением и как-то гордо подумал Егор.

Ожидая, что из-за камышей появятся фигуры сталкеров, Бобр сделал пару шагов в сторону, чтобы увидеть их чуть раньше. Возможно, это и спасло ему жизнь. Воздух, где только что стоял Егор, потемнел и исказился, а Фома, стоявший практически на том же месте, вдруг округлил глаза и начал с непередаваемым глухим хрустом ломаться, словно сделанный из поролон и картона. Сначала его куртка плотно прижалась к телу, затем правая рука, хрустнув, сломалась в районе плеча, затем обе ноги поднялись в воздух, прижались коленями к груди и хрустнули, одновременно раздалась целая гроздь щелчков позвоночника, а из открытого рта вывалился язык. Казалось, целую вечность Бобр смотрел в эти непонимающие и застывшие в ужасе, закровоточившие глаза сталкера. Позади Фомы стоял огромный болотный кровососище и обнимал его двумя руками, буквально сгребая в охапку, словно куклу. Мутант был

огромен, темной, грязно-зеленой расцветки, выше самого сталкера почти на полметра, голова-дыня с горящими угольями глаз была гладкой и лоснилась. Почти в два раза шире в плечах сминаемого им человека, с гигантскими, казалось, под полметра щупальцами. Взлетевший к плечу дробовик обнаружил пустоту и расходящиеся круги в мелкой воде на месте, где только что стояло чудовище и его жертва.

Болотные кровососы – это отдельный особо сильный вид тварей, гораздо крупнее своих и без того не мелких сухопутных родичей. Эти мастера засад и маскировки в одиночку могут выкрасть сталкера из центра группы и гигантским прыжком выйти из зоны обстрела. В одно время, когда у этих тварей был всплеск активности и размножения, такое случилось на Агропроме. Тогда отряд Долга в несколько человек ничего не смог противопоставить болотному кровососу, и он, несмотря на плотный заградительный огонь, утащил одного из них с собой. Это знал каждый уважающий себя сталкер, и в таком случае, оставшись один на один, лучший выход – это побег. Оглянувшись, Егор понял, что остался один. Волк и Лебедь, вероятно, пробиваются другой дорогой, а вот Бобру тут торчать точно нечего. «Мама, – только и успел подумать он, вжимая газульку своего организма в пол, – мне определенно больше нравятся собачки, нет, я люблю собачек, дайте мне хоть сто слепых собачек, я не поменяю их на одного болотного кровососа!» Все это проносилось в его голове в то время, как тело, не осознавая происходящего, огибало аномалии и несло по направлению к желтому песочному склону карьера. Пробежав около сотни метров, два раза поскользнувшись, облившись какой-то дурно пахнущей дрянью и сбив дыхание, Егор остановился. Взгляд на ПДА. Две новости, понял он. «Одна плохая, другая хуже некуда. Плохая – меня преследует кровосос. Очень плохая – это БОЛОТНЫЙ кровосос». Интенсивно красная точка больших размеров то ускоряясь, то замирая, зигзагом приближалась к нему, показывая, что мутант движется огромными скачками. У сталкера похолодело в животе, озираясь, Егор искал хоть какое-то укрытие, хотя знал наверняка, что от такого монстра укрытия не сыскать. Но умирать спиной к мутанту Бобру почему-то не хотелось, в голове как будто что-то переключилось, и сталкер вдруг успокоился и побрел навстречу, несомненно, хозяину этого болота. Пройдя назад буквально с десяток шагов, он увидел чудовище, которое сидело на корточках в низкорослом камыше, упершись лапами в грязь и даже не затрудняя себя включением стелс-режима, разглядывало человека. Их разделяло с десяток метров неглубокой воды. «Пожрал уже, значит, – как-то отстраненно понял Егор, – ишь ты, не торопится». Кровосос, не схожий по размерам ни с какими другими видимыми до этого Бобром кровососами, действительно сыто рыгнул, как будто прикидывая, с какого места он начнет употреблять этого человека.

Возможно, его настроение можно было сравнить с настроением человека, съевшего основное блюда, какую-нибудь курочку, а теперь с ленцой ковыряющего зубочисткой в зубах, борясь с легкой икотой, разглядывающего десерт или корзину фруктов... мол, да... этот десерт я тоже... с удовольствием... съем. «До чего же ты, сволочь, огромен», – еще раз оглядывая мутанта, отцепляя гранату Ф-1 с пояса и выдергивая чеку, подумал Егор. Тем не менее дробовик, не отступая, смотрел в рыло мутанту. Кровосос недовольно забеспокоился, типа «ну что это еще за фокусы, что это за нежелание делиться вкусным содержимым?» Гляделки продолжались несколько секунд. Но, как известно, пересмотреть человека может только пустота. Мутант недовольно заерзал и, видимо, поняв, что разглядывать десерт так долго является признаком плохого тона, решил, так сказать, начать с вишенки. Привстав и глухо заворчав, он начал раскачивать мощный, налитый мышцами корпус из стороны в сторону, при этом его огромные когтистые лапы качались плетями и стучались о бедра. Бобр продолжал движение, не зная для чего, обходя мутанта. На линии видимости между неадекватным кровососом, вероятно, переживающим особо романтичный период размножения, и сталкером, показалось зеленоватое свечение холодца. Островок редкого камыша, также разделившего мутанта и сталкера, внес свою лепту в развитие событий. Изменение видимости контура сталкера, вероятно, было

расценено им, как попытка побега, и кровосос легко и неожиданно прыгнул с места в ту сторону, где он видел сталкера. Раздался выстрел, заряд картечи в полете приложил кровососа в морду, и тот, растерявшись такому подарку, приземлился перед сталкером, заваливаясь назад, в тот же момент дробовик выстрелил повторно, уже в грудь, и мутант, хрюкнув от растерянности и царапнув лапой воздух перед лицом человека, завалился в холодец.

Особенность аномалии «холодец» в том, что она, попадая на органику, безболезненно или, как сказал один яйцеголовый, в смысле ученый из Янтаря, «гуманно» и быстро проникает сквозь верхний слой и начинает свое разрушающее действие через секунды, обрушивая море ощущений на несчастного, коснувшегося такого холодца. Но свойства практически всех аномалий изучены менее чем на пять процентов, и по сути каждая аномалия уникальна. Данный холодец оказался не только гуманной, но также тягучей и плотной субстанцией, мягко и без брызг принявшей упавшего в нее кровососа. Егор, еще не осознавая, что делает, бросил туда же гранату. В секунду он вдруг понял, что сейчас произойдет и, развернувшись, бросился с головой в воду, целя под растущий позади него островок камыша. Рев раненного чудовища, казалось, затмил грохот взрыва, и даже под водой Бобр удивился неестественной, заложившей уши, громкости рева. Встав на ноги, сталкер развернулся, выставив оружие в сторону мутанта. То, что теперь представлял собой мутант, было лишь уродливой пародией на того полного жизни и здоровья кровососа секунды назад.

Невероятно прочная темно-зеленая кожа обесцветилась, превратившись в кремовую, вздулась пузырями и повисла лохмотьями, кисти одной руки не было, ноги обнажили жилы и кости, поскольку кровосос все еще стоял в холодце, в глазах светилось бешенство и ярость. Егор нажал на курок, щелк – осечка, щелк, щелк – осечка. Чудовище, ставшее еще страшнее и безобразнее, заревело и двинулось на человека. Заорав от ужаса, Бобр щеманулся к спасительной линии желтоватого песка, которая сулила если не спасение, то шанс добраться до, возможно, ожидающих его товарищей, Волка и Лебедя. Истерзанное чудовище двинулось за ним на плохо слушающихся ногах, поскольку инстинктивно чувствовало, что теперь речь идет не просто о еде, а о выживании самого кровососа. Если он не завалит и не выпьет сталкера, у него просто не будет строительного материала и калорий, чтобы нарастить себе новые мышцы, кожу, восстановить внутренние органы, и тогда он просто уйдет в небытие от полученных ран. Бобр, не соображая от ужаса и, вероятно, находясь в состоянии легкой контузии от близкого взрыва, тем не менее быстро или медленно, но бежал в сторону склона, часто спотыкаясь, вставая вместе с длинными водорослями и создавая кучу брызг. На каждое падение сталкера монстр реагировал громогласным рычанием. Кровосос следовал за ним с такой же скоростью, дергаясь при каждом шаге негнущихся ног, и пусть даже обезумевший и контуженный сталкер терял скорость, идя по колено в воде, задыхался и не мог быстро ориентироваться, действие холодца все также продолжало убивать монстра, растворяя его плоть и замедляя его движение. В конце концов Бобр, превратившийся в пучок каких-то длинных и прочных водорослей, некоторые из которых шевелились и пытались проникнуть под одежду, достиг берега, но товарищей там не было. Он обернулся и, о ужас, кровосос все еще преследовал его, теперь уже не на ногах, но ползя на животе, выкидывая уцелевшую лапу, на которой уже не осталось когтей, вперед, подтягиваясь и протаскивая себя дальше. Ноги превратились в культы, холодец делал свое дело, и даже сверхпрочная конструкция этого уникального охотника не смогла противопоставить ничего аномальному химическому веществу, по неведомым законам реагирующему с живой органикой и достаточно быстро отказывающемуся реагировать с неорганическими веществами. Некогда непобедимая машина для убийств теперь представляла жалкое зрелище, но вместе с тем существо показало свою жуткую суть, которая заключалась во вспыхнувшей и неубиваемой жажде человеческой крови. Хуже того, сталкер вышел не на том месте, откуда они заходили в Карьер, позади него гудел ряд гравитационных аномалий, ПДА показывал сплошное непроходимое поле и огромную красную точку уже в центре экрана! Чудовище, сделав

последний рывок и шумно выдохнув, вцепилось в ногу сталкера своей на половину разъеденной рукой, на которой стало в два раза меньше мышц и сухожилий, щупальца с правой стороны и морда кровососа тоже были разъедены, и теперь был виден проблескивающий белым мертвый остов щупальца, похожий на сетку с уменьшающимися от основания к вершине ячейками. Засипев от невероятных усилий, мутант выкинул вперед вторую руку без кисти и попытался вспороть живот сталкеру, но конечность, не имеющая ни пальцев, ни когтей, соскальзывала от живота до паха сталкера, оставляя кроваво-бурые разводы на куртке. То ли в силу небольшой контузии, то ли в силу действительного потрясения, способного сорвать психику любого человека, отчаянно заорав, Бобр забыл про пистолет, лежащий в специально перешитом кармане куртки, схватил дробовик за ствол и с криком, в который вложил всю отчаянность своего положения, словно топор, обрушил рукоять на голову монстра, удар, удар, еще удар. С каждым ударом Егор выдыхал и вкладывался всем корпусом, выпрямляясь для замаха, он хрипло, со стоном вдыхал и опять безумно бил изо всех сил. Это было противостояние желания выжить с обеих сторон, которые, однако, взаимно исключали друг друга, для человека это была борьба за жизнь со смертью, представшей перед ним в таком невероятном и жутком обличье, для чудовища же это была борьба с невероятно слабым и хрупким соперником, ставшим вдруг таким высоким, сильным и непобедимым. Хватка кровососа начала ослабевать, удары человека становиться реже, черепная коробка кровососа, чавкнув, отвалилась и отлетела, обнажив желтый мозг существа. Бобр, уже падая от потери сил и от недостатка кислорода в горящих легких, поднял ногу и вдавил ее в содержимое черепа мутанта, одновременно слыша его последний пронзительный визг. Зона сделала выбор.

* * *

– Ну что, очнулся? – поддерживая голову, заглядывая в глаза, осведомилось размытое лицо Волка. Возле губ оказалась фляжка с водкой.

– Антишок вколол? – спросил стоящий неподалеку Лебедь с автоматом наперевес. Он не удержался и делал фотографии своим ПДА разбитого вдребезги болотного кровососа, для масштабности положив рядом с трупом банку консервов.

– Вколол, щас полегчает. Эй, сталкер, имя помнишь? – спросил Волк, то раздваиваясь, то вновь сливаясь в одно лицо.

– Ты еще спроси, где живу, – полушепотом ответил Бобр, – Бобр я, – тем не менее ответил он. Водка пролилась внутрь, обожгла изнутри и, казалось, позволила наконец-то задыхаться.

– О! Смотри, шуткует, стало быть, жилец, – заулыбался Волк. – Знатно ты его разделал. Силен, силен – нам такие люди нужны.

Обнаружив на груди привязанный бинтом посторонний предмет, Егор захотел снять его и даже протянул руку, поскольку в том месте нестерпимо чесалось.

– Не трогай, это «кровь камня», как раз тут неподалеку выкинуло, – пояснил Лебедь, – минут через десять снимешь. В себя придешь и убираться отсюда будем... пока тихо, – добавил он.

Через пару минут Бобру действительно полегчало, картинка прояснилась, в глазах перестало расплываться, а в ушах гудеть. Встав сначала на четвереньки, потом, опершись на дробовик, – на ноги, он осмотрел чудовище. Действие холодца уже закончилось. Несколько укороченная версия огромного кровососа, раскинув изувеченные конечности, лежала мордой в песке, верхней части черепа не было. Мозг же, раздавленный человеческим ботинком, вышел за края и застыл желто-красными хлопьями, словно плотная мыльная пена, в которую уронили кусок мыла, застыла волной, и легкая рука фотографа запечатлела это момент.

– Ну что, кончил начальника Карьера? – схохмил Лебедь.

– Не смешно, – заметил Бобр, вставая. – Я готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.